XX 193

ВСЕМИРНЫЙ ТУРИСТ

№ 10 «З и Ф» 1929

СОДЕРЖАНИЕ: Обложка — фотоэтюд Ю. Еремина. ◆ **Верхом по Джетысу.** Очерки Сергея Голубя. ◆ **По Шапсугии.** Кавказские очерки Ал. Смирнова. (Окончание.) ◆ **На веслах и на боку до самого Баку.** Очерки П. Гаврилова. (Продолжение.) ◆ **Турист среди книг.**

Киргиз-джигит на быке

Рисунок худ. В. Щеглова

Верхом по Джетысу

Очерки **Сергея Голубя**

Рисунки худ. **В. Щеглова**

Турксиб...

Где-то далеко, на грани жаркого Туркестана и угрюмой Сибири идет гигантская стройка. На тысячи километров, через горы и сыпучие пески пустынь прокладываются стальные полосы рельс. Прокладываются в краю, где впервые ухо степного всадника слышит звук паровозного гудка и где лошадь, вол и верблюд справляют не первый столетний юбилей своей транспортной работы. Проснувшаяся мощь освобожденного труда творит себе победный гимн. А в сухих официальных отчетах и докладах короткие строгие формулы: «Проведение железнодорожной магистрали между Сибирью и Туркестаном дает возможность снабдить дешевым сибирским хлебом Туркестан и освободить рисовые поля под хлопок; в плане пятилетки... развитие фабрично-заводского производства... эксплоатация природных богатств края...»

Турксиб строится. Великий исторический момент. Через две пятилетки тут будет «Советская Америка», а сейчас— глушь, едва пробужденная революцией страна и «медвежьи» уголки, где до сих пор не перевелись тигры и привольно живут стада диких кабанов...

Решено. «Турист» должен быть на передовых позициях. Мы едем туда, где строится Турксиб, в далекую страну «семи рек»—Джетысу.

I

Мы в'езжаем в горы Тянь-шаня. — Человек степи на паровозе. — Своеобразный водопровод во Фрунзе. — О киргизке Сурмахан, которая должна была лишиться носа. — Лошадиная проблема. — Когда город Фрунзе был еще Пишпеком. — Как мы снаряжались. — «Лошади куплены. Выезжаем».

На пятые сутки нашего пути из Москвы поезд, идя на восток, медленно, как бы осторожно крадучись, подобрался к горам. Уже далеко позади осталась необозримая казакстанская степь, где в окна вагона видны лишь пески, редкие казакские аулы, флегматичные верблюды да телеграфные столбы.

Хороши горы. Особенно рельефно выделяется справа покрытый снегами Александровский хребет, отрог «Небесных гор» — Тянь-шаня. Но и предгорья, отроги и холмы, покрытые зеленым плюшем, с рваными краями ущелий, по которым бегут быстрые прозрачные потоки, производят чарующее впечатление. На плюше букашками копошатся овцы, табуны лошадей. Чуть пониже, у воды раскинулись аулы. Юрта от юрты не близко— места много, ставь где полюбится.

Поезд идет по пестреющей цветами долине. Еще только середина апреля, но какая уже здесь трава! А перед от'ездом из Москвы мы, пристреливая ружье, втыкали доску с листом в полуметровый снег.

В долине прекрасная плодородная почва, но занимаются земледелием преимущественно русские колонисты. Киргизы и казаки зачастую, если и пробуют сеять, то только в виде опыта, но есть среди них и окончательно осевшие на

землю. Беднота из кочевых аулов частенько наведывается к таким отщепенцам и внимательно присматривается,—хорошо это или плохо,—с тем, чтобы и самим бросить кочевье. Трудно оторваться от привычной кочевой жизни, трудно сломать вековой уклад, и поэтому кочевник так долго думает и так тщательно сопоставляет факты «за» и «против», прежде чем взяться за новое, непривычное дело.

На крошечных станцийках киргизы продают вареную баранину, а русские—украинки и сибирячки — вареники и пельмени.

Заглянув на одной из станций на паровоз, я к глубокому своему удивлению наткнулся на измазанного молодого казака в расстегнутой русской рубахе, старательно смазывавшего паровозные части. Оказалось—он работает уже давно, начал с кочегара и работы в депо, сейчас исполняет обязанности помощника машиниста. Мне после рассказывали, что на железнодорожном транспорте работают много казаков по всем специальностям: стрелочники, кочегары, смазчики, кондуктора. Какой великолепный путь прошли эти люди—от кочевья к паровозу, тормозу, стрелке!..

Во Фрунзе приехали утром, проспав знаменитую станцию Луговую. Знаменитой она стала совсем недавно, с того момента, когда окончательно было решено, оставив в стороне Фрунзе, начинать строить Туркестано-Сибирскую магистраль с Луговой. Было найдено, что пробиваться из фрунзенского тупика гораздо труднее, чем проложить лишние несколько десятков километров на месте с более ровным профилем. Для Фрунзе это некоторый подрыв.

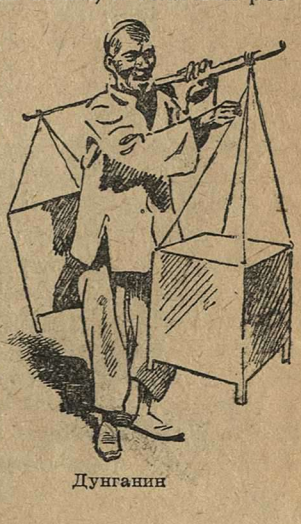
Станция, куда уперлась железная дорога в семи километрах от Фрунзе, носит старое название этого города—Пишпек [1]).

Путь на бричке от станции до города отличался тем, что мы имели возможность сколько угодно смотреть по сторонам, но не могли говорить из боязни откусить себе язык,—бричка буквально прыгала по камням. Но это обстоятельство было пожалуй на пользу: мы могли не глотать лишний раз лёссовой пыли и «спокойно» любоваться сверкающей белизной снегов на вершинах Александровского хребта.

По пути к центру города проехали большое предместье — Дунгановку. Названо оно так из-за преобладания в его населении дунган—китайских мусульман, бежавших после восстания 1881 года из пределов китайского Туркестана. Внешне Дунгановка не представляет ничего особенного: те же выбеленные саманные мазанки под камышовыми крышами, те же потрескавшиеся дувалы, зеленеющие сады и непременные высокие украинские тополя у арыков по краям дороги.

Арыки — характерная особенность не только Фрунзе, но и почти всех среднеазиатских городов. Это — ровненькие, тщательно охраняемые от размывов и засорения канавки, по которым бежит отводимая из горных речек вода. Из придорожного арыка делаются отводы в сады, к каждому дереву. Бывали здесь года, когда не выпадало ни капли влаги. Поэтому-то в Туркестане почти не знают земли без воды и борясь за землю—борются за воду [2]).

Но арыки во Фрунзе служат еще другой цели—в качестве водопровода. Шестидесятитысячное население города пьет воду из этих вот канавок. Если в верхней части города вода, бегущая с гор, свежа и кристально чиста, то внизу анализ ее не поддается описанию. Тут результаты и стирки белья, и телячьей резвости, и омовения доброго мусульманина... Во Фрунзе говорят: «Не плюй в арык — пригодится воды напиться».

Дунганин

[1]) В нескольких километрах от города, по дороге в Алма-Ата расположена деревушка, в которой родился покойный вождь Красной армии Михаил Васильевич Фрунзе.

[2]) После революции в Туркестане была проведена земельно-водная реформа, по которой беднячество получило землю и воду, отобранные у богачей.

Между Дунгановкой и городом, на широком плацу—казармы Киргизского национального дивизиона. Киргизы — природные наездники, и из них вырабатываются прекрасные кавалеристы. Но помимо военных знаний молодым добровольцам из аульной и кишлачной бедноты преподаются еще знания жизни, и обратно в аул они идут грамотные, знающие, как строить новую жизнь, и уверенные до последней клеточки мозга, что они ее построят. Дивизион—одна из тех частиц, которые ломают и перековывают вековой уклад Киргизии.

Я был в этих казармах в декабре 1927 года, когда кзыл-аскеры [1]) праздновали двухлетие существования дивизиона. Тогда я познакомился со многими из них. Долгими вечерами повествовали они о своей работе и борьбе в ауле, где только понаслышке знали тогда о советской власти; рассказывали о том, как попали в Красную армию...

... Маленькую Сурмахан отец, старый Ахун, решил отдать замуж за Худайбергенева. Седой Ахун выжил из ума—ведь Худайбергенев без носа, у него отняла нос ужасная болезнь. И он заразит этой болезнью маленькую Сурмахан. Он, Таш, знал это, потому что был раз в городе и слышал это от умного киргиза на большом собрании. Он знал, что Сурмахан тоже будет без носа, и убеждал отца не отдавать сестру Худайбергеневу. Отец не верил ему и не верил словам киргиза на собрании, потому что ведь и мулла тоже говорит, что эта болезнь не отнимает ума и сердца; а Худайбергенев имеет много скота и даст ему, Ахуну, богатый калым. Посмотрел Таш на красивое личико сестры, которое должно было лишиться носа, и заплакал. Ведь Сурмахан, его сестра, была самая красивая девушка, из всего аула, даже из тех аулов, которые были поблизости.

Тогда отец обругал Таша большим глупцом и прогнал прочь. И задумал Таш спасти сестру. Два дня бродил он по горам, придумывая, как это сделать. Но ничего не мог придумать. Он ходил по горам и плакал... Потом встретил джигита на быке. Ехал джигит в Пишпек, потому что хотел поступить в кзыл-аскеры. У них в ауле был комиссар и рассказывал, что в Красной армии учат грамоте, чтобы читать газеты и книжки, и многому другому. Обрадовался Таш, но потом вспомнил о Сурмахан и задумался. А джигит поехал дальше.

Надумал Таш, что если взять с собой сестру, не примут ли ее в кзыл-аскеры. Она бы им варила баранину и доила кобыл.

Побежал он за джигитом спросить, не говорил ли комиссар о девушках, но не догнал. Быстро идет бык по горам. Торо-

[1]) Кзыл-аскеры—красные солдаты, красноармейцы.

Редкий киргиз, побывав в городе, не посетит конный базар...

пится джигит в Пишпек. Дождался тогда Таш ночи, пробрался в юрту к отцу и, разбудив Сурмахан, тихо зашептал ей на ухо. Потом забрал седло и уздечку и оседлал единственную лошадь, а сестра ждала его у дороги...

В кзыл-аскеры Сурмахан все же не попала: она осталась учиться в одной из женских профшкол. Таш редко ее наведывал: у него было так много дел, да он теперь и не боялся, что у нее отпадет ее ровненький красивый нос...

Эту историю я вспомнил теперь. Мы тогда долго по-дружески смеялись над Ташем, от души смеялся и он сам.

Если смотреть на Фрунзе с аэроплана, он представляет собой интересное зрелище: правильные ряды улиц, шахматные квадратики зеленых кварталов и посреди города—резко вычерченные контуры белого здания Киргизского ЦИК'а, построенного в 1926 году.

Центральная улица — Советская. Она тянется на несколько километров с севера на юг через весь город. По бокам ее арыки, но вдобавок есть тротуары. Это выгодно отличает ее от большинства других, ибо осенью во Фрунзе ничего не стоит оставить сапоги в грязи. Здешняя почва необычайно клейка, не даром из нее строят дома.

Мы устроились у знакомых на южном конце Советской улицы, близ самых гор, и собирались обзаводиться лошадьми.

Лошадиная проблема. Ей были посвящены многие часы пребывания во Фрунзе. Нам предстояло пройти по самому скромному подсчету ни много ни мало—девятьсот километров. Две трети пути пролегали по глухим краям, где вряд ли можно было надеяться на наем подвод или лошадей.

На другой день мы отправились на конный базар. Во Фрунзе это достопримечательность. Редкий киргиз, побывав в городе, не посетит его, хотя часто и не имеет в мыслях купить или продать лошадь. Ему нужно посмотреть, приценится, узнать новости, чтобы потом было что рассказывать в ауле.

На базаре лошади всех мастей и пород. Бойкие цыганята испытывают на различные аллюры своих и чужих скакунов; равнодушно-внимательные киргизы, не торопясь, проезжают в седлах или сидят группами где-нибудь в сторонке, сдержанно беседуя; заглядывая в зубы лошадям и хлопая по рукам, торгуются русские «семиреки» — украинцы, белоруссы, сибиряки—каждый на своем жаргоне, но каждый с явным намерением обмануть другого. Но самые яркие фигуры базара—цыгане. Глядя на них, кажется, что здесь, в Семиречье, сохранились еще классические персонажи «Сорочинской ярмарки», способные обрезать уздечку с лошадью в руках раззявы Черевика и подстроить штуку с чортовой свиткой, которую сам владелец собирал частями по всему «белу свету». Эти цыгане не торопятся, не бегают,—в широченных плисовых штанах, сапогах гармошкой и красной рубахе под жилетом, они степенно тянут люльку и, игриво поблескивая хитрющими глазами, прячут в черной бороде лукавую усмешку.

Мы со Щегловым долго стояли, не решаясь войти в этот своеобразный таинственный мир, но он сам в лице молодого франтоватого цыгана нагрянул на нас.

— Вам лошадку?.. Фью!.. Сюда!

Миг, и перед нами закружился целый эскадрон цыганят. Тут были и крестьянские пузатые лошаденки, и тяжеловозы с копытами в тарелку, и просто клячи. Чтобы избавиться от этого, мы опрометью бросились в глубь толчеи. Но — «назвался груздем—полезай в кузов». И мы стойко пелезли в этот кузов: до умопомрачения ползали под брюхами животных, с самоуверенным видом тыкались в лошадиные морды, рассматривая зубы, по которым, говорят, можно определить возраст, слушали адски авторитетные замечания базарных «спецов», остервенело дергали лошадей за хвост, ездили верхом, мялись, волынили, но денег выкладывать не решались. Выбравшись наконец из этой каши, опомнились и посмотрели друг на друга.

— Так лошадей мы никогда не купим, а если купим, то дрянь,—вывел формулу общих мыслей Щеглов.

Впоследствии мы хорошо узнали, что выбрать соответствующую лошадь — серьезная задача даже и не для таких липовых «знатоков», как мы.

На следующий день в Областном комитете комсомола нас убеждали изменить маршрут и ехать на Сусамыр—в систему горных долин Тянь-шаня, куда летом собираются из выжженных солнцем степей киргизы, чтобы прокормить скот на сочных альпийских пастбищах — «джайляу». Туда должны были двинуться представители почти всех организаций для проведения массовой работы. Ехали кооперативные об'единения разворачивать дело снабжения киргизов товарами, здравоохранительные пункты, женотдел, в частности ехали и инструктора Обкомола. Нам предлагали устроиться с ними, предвещая целые горы литературного материала, при чем были обеспечены лошади и переводчики — киргизы-комсомольцы.

Узбечка в паранджe.

Беда наша была лишь в том, что все они собирались ехать, когда откроются перевалы через Александровский хребет, а перевалы не собирались для нас открываться раньше положенного срока—первых чисел июня[1]). Мы пообещали товарищам, что если удастся к этому времени приехать обратно во Фрунзе, то обязательно воспользуемся предложением, и поделились с ними «лошадиным» горем.

— Хотя вы и московские, но на лошадях вас тут верно надуют, — согласились те. — Мы вам, если хотите, дадим своего знающего парня.

Они дали бумажку. Бумажка за бумажкой — и мы получили наконец парня.

Это был степенный толковый семирек, служивший в милиции. Он хорошо знал край и понял, что от него требуется. Узнав, зачем мы едем, он принял живейшее участие в обсуждении нашего маршрута, сразу дав ряд ценных указаний. Вручив ему наболевшую «лошадиную проблему», мы предпочли уйти с поля действия. Теперь мы могли спокойно побродить по улицам города.

Во Фрунзе живет много узбеков. В их руках сосредоточена почти вся базарная торговля. Почти тут же, на улице, они выпекают бесподобные по вкусу пресные лепешки, готовят шашлык и дорогой сердцу киргиза пилав. Они же являются содержателями многочисленных чайхан, в которых так любят часами сидеть киргизы, рассказывая и расспрашивая новости за бесчисленными пиалами чая. Как редкость в настоящее время еще можно увидеть на улице закрытую женщину-узбечку. Она с головой накрыта расцвеченной паранджой, а на лице — как символ многовекового рабства — черная сетка из конского волоса. Несколько лет назад незакрытая узбечка под угрозой смерти не могла выйти на улицу даже для того, чтобы взять воду из придорожного арыка...

У Фрунзе, вернее у Пишпека, своя история. Почти семьдесят лет назад он был укрепленным пунктом Кокандского ханства. В 1860 году русские разбили Кокандскую армию около Верного (Алма-Ата), и подполковник Колпаковский уничтожил пишпекское укрепление. Вскоре за тем начинается мрачный период существования края, отданного под опеку царским приставам и казацким нагайкам. Процесс колонизации страны благоприятно отразился на росте самого города. Вокруг возникали русские села на захваченной у киргизов земле, хозяева которой бесцеремонно выселялись в горы. Образовался уезд.

Но падеж скота заставлял киргизов массами переходить на земледелие, а свободной земли уже не было. Русских защищал их закон и штыки. Одним можно было жить, другим — нет. Кипела злоба, каменели в сдержанном гневе скулы...

[1]) Вследствие большой высоты на горных перевалах часто до глубокого лета лежат снега и бушуют метели, поэтому весной переход через них невозможен.

И когда пришел царский приказ о мобилизации туземного населения на тыловые работы на германском фронте, — дрогнули скулы, и из-под халатов появились ножи. По краю разнесся ужасный слух — будто бы киргизов решили истребить, забрав на фронт и поставив в сферу действия огня, чтобы их землю передать русским.

Вспыхнуло знаменитое восстание 1916 года. Кровавыми пожарами залились семиреченские села, обезглавливались младенцы... А потом пришли батальоны регулярной пехоты, пулеметы и пушки. И никто до сих пор не может сосчитать, сколько киргизов погибло в неравной борьбе. А сотни тысяч бежавших в Китай от истребления продавались в рабство, и продавали своих дочерей...

Пишпек видел кровь побежденных на своих улицах.

Утром на следующий день купили лошадей. Когда по вековой традиции уздечки были вложены в наши руки и мы почувствовали у себя за спиной горячее дыхание «зверей» — мы едва не прослезились от полноты чувств. Но это было не все: к лошадям нужны седла со стременами, подпругами, подседельниками, куржумы [1]) для вещей и бездна прочих предметов.

Наконец к вечеру все готово. Первое седлание и пробная поездка в степь. В виде испытания трижды переходим вброд речку Аламединку, карабкаемся по крутым берегам, лазаем через каменистые кручи. Лошади осторожно, но уверенно преодолевают препятствия. Испытываем на различные аллюры: шаг, рысь, галоп, карьер. Лошади бешено мчатся рядом, широко раздувая ноздри и вытянувшись в струнку. И это испытание проходит успешно. Лошади—молодцы. Както они выдержат последнее свое испытание—на выносливость?..

Поздно вечером — последние сборы. Щеглов в уголке пишет телеграмму в «Следопыт»: «Лошади куплены. Выезжаем через перевал Кастек в Алма-ата».

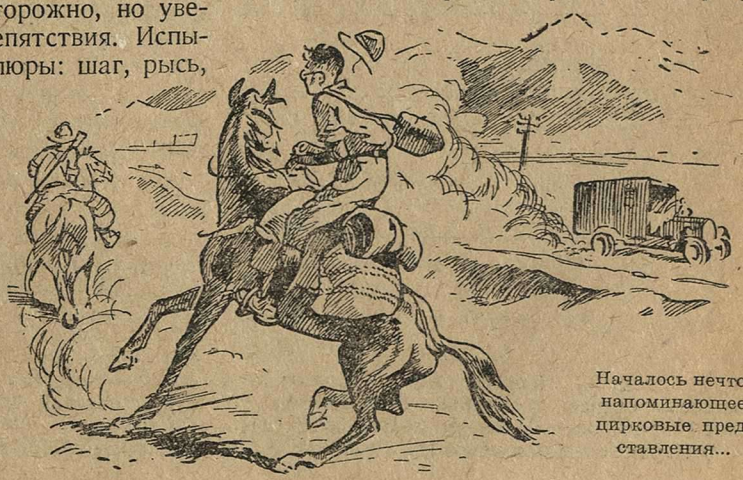
Завтра рано в путь...

II

«Курдайцы» и «чокпарцы». — Суррогат Украины. — Тепловоз вместо волов. — Замочки к семиреченскому хлебу. — Мои кавалерийские способности под сомнением. — Про балхашских кабанов, тигров и рыбу. — «Добрые молодцы» в Семиречье. — Обманутые аллахом. — Никуда не впадающая Чу. — Мы ищем центр в Токмаке.

Восходящее солнце зелеными искорками пересыпается в пышной листве тополей, и играют тени на пыльной дороге. В защитных юнг-штурмах с засученными рукавами и легких панамах мы верхом похожи на американских ковбоев, которых рисуют на обложках журналов. Наш путь лежит на город Токмак, расположенный во Фрунзенской долине, в 60 километрах к востоку от Фрунзе. За Токмаком вскоре кончается и сама долина, зажатая в горах. Наш путь — через эти горы, по пустынному дикому перевалу Кастеку.

Общепринятый путь из Фрунзе в Алма-ата лежит западней, через Курдайский перевал. Там ходят автобусы, есть промежуточные станции и прочие относительные удобства. Этот перевал в последнее время получил широчайшую известность в связи с постройкой Туркестано-Сибирской железной дороги. Вначале был проект проводить дорогу

Началось нечто, напоминающее цирковые представления...

[1]) Куржумы — мешки, вытканные из шерсти или хлопка, служащие переметными сумами у киргизов.

через него. Намечалась постройка грандиозных туннелей, виадуков, проектировались большие под'емы с двойной и тройной тягой паровозов и прочие диковинки техники. Но потом беспокойные изыскательные отряды из молодых советских инженеров нашли более доступный проход через отроги Заилийского Алатау [1]) — перевал Чокпар. За счет некоторого удлинения пути получалась экономия в 30 миллионов рублей и сокращение постройки дороги на целый год.

В противовес Дунгановке Фрунзе как истая столица имеет пригород и с востока — село Лебединку. Оно смежно с городом, и трудно отличить, где же кончается город и начинается село. Широкая пыльная улица, беленькие уютные мазанки, стройные тополя, длинные несуразные журавли у колодцев и краснощекие бойкие бабы, затевающие по всякому подходящему случаю визгливую перебранку через дорогу... Ведь это же Украина! Но почему-то к традиционным плетням примешиваются глиняные дувалы, у тополей — канавки арычков, а за зеленью садов искрится снежная канва гор. Если вы присмотритесь внимательнее, вы увидите, что хаты накрыты не соломой, а длинными стеблями камыша. Даже мазанки — не всегда мазанки из глины, они зачастую сделаны из саманных кирпичей.

Едем вначале убористой киргизской «тропотой», потом сбавляем ход. Стараемся не утомлять лошадей и выявляем их характеры. Особое опасение вызывает моя Милка. Пока она ведет себя вполне прилично, а в лошадиную душу не заглянешь.

Тракт оживленный. Встречаются вереницы крутогих «волив», запряженных в невозможно скрипящие, времен Запорожья, телеги, — это из Каракола [2]) или Рыбачьего везут хлеб. Сейчас в степи стоят размеченные шесты с флажками и кое-где сделана насыпь — проводится шоссейная дорога для автомобильного и гужевого сообщения с этими отдаленными и значительными в экономическом отношении пунктами. А в плане строительной пятилетки значится и проведение железнодорожной ветки Фрунзе-Рыбачье. Тогда Рыбачье—маленькое селение на берегу легендарного Иссык-куля [3]) — превратится в порт с элеваторами, складами и многочисленными фабриками, а по озеру, ревя сиренами, пойдут тяжелые пароходы с хлебом и китайскими товарами. И кто знает, может быть через два-три года вот этих медлительных «волив» заменит новенький тепловоз...

Навстречу, поднимая пыль, мчится кавалькада киргизов. Они чрезвычайно ловко и непринужденно держатся в неудобном седле стульчиком, но при этом нисколько не облегчают лошадей при рыси, трясясь как мешки. Среди них женщина. У нее на голове характерный наряд: высокий тюрбан из белой кисеи, на который идет до 40 метров материи. Ловко придерживая ребенка одной рукой, она ничуть не отстает от мужчин. Вероятно она едет с мужем за покупками в город.

Особую колоритность в дорожные картины вносят брички. Эти просторные громыхающие телеги, крытые легкими камышовыми цыновками-берданами, создают иллюзию этакой послеколумбовой Америки, когда в прерии на таких вот фургонах двигались сотни и тысячи переселенцев-колонистов.

Тянется однообразная степная местность. Кое-где виднеются запаханные участки. Часто переезжаем по сверкающим свежей древесиной мосткам через арыки. Из-за рыхлости почвы, чтобы вода не размывала арыки, они во многих местах выложены бетоном, а на разветвлениях устроены железные шлюзы. Поистине эта земля — что сказочный ларец с семью замочками: не отопрешь замочки — не получишь добра.

Я загляделся на арыки и задумался о том, сколько денег стоят Водхозу эти

---

[1]) Алатау — Пестрые горы. Заилийским хребет назван русскими, проникшими в край из-за реки Или (из Семипалатинска).

[2]) Каракол — бывший город Пржевальск.

[3]) Иссык-куль (Теплое озеро) — большое глубокое озеро, расположенное в горной котловине между хребтами Кунгей-алатау и Терскей-тау. Старинная киргизская легенда говорит о том, что на дне озера лежит затопленный в древности большой китайский город. Как бы в подтверждение этого исследователи часто находят у берегов выброшенные волнами старинные предметы утвари, орудия и пр.

«замочки», а сзади надвигалось первое испытание. О нем известили отдаленный шум мотора и рев автомобильной сирены. Мы свернули в сторону от дороги.

Развалина-автобус, дребезжа, как пустая бочка из-под керосина, быстро приближался. Окутанный густыми клубами желтой пыли, которая растянулась за ним как кометный хвост на огромное пространство, он действительно был страшен. Лошадь, подняв голову, испуганно запрядала ушами, выискивая направление непонятного звука. И она раньше догадалась посмотреть вправо, чем я догадался повернуть ее голову в обратную сторону. Затем началось нечто, напоминавшее цирковые представления. Лошадь, как ужаленная, прыгнула в сторону и, закусив удила, во весь опор понеслась по степи. Я ухитрился поставить ее «на попа» и на одном месте повернуть назад, но тогда она, перехитрив меня, принялась скакать задом. Остановленная и тут, пришпоренная каблуками, она долго волчком кружилась на месте, и ее морда имела такое выражение, что я до сих пор не вполне уверен — искренно ли она испугалась. Но отодрал ее камчой на всякий случай.

А Щеглов, выехавший на дорогу и ожидавший там развязки, в весьма нелестных выражениях отзывался о моих кавалерийских способностях и вдохновенно предсказывал далеко нежелательный конец маршрута при наличии автомобильного движения в Киргизии. Эти отзывы слышала вся степь от Фрунзе до Буамскаго ущелья, и я затаил уязвленное самолюбие. Вот попробовал бы он сам так повертеться!

Сегодня нами намечено пройти всего 30 километров. На первый раз. Днем делаем короткую остановку без расседлывания и после полудня добираемся до большого села Дмитриевского.

Древний старичок после нескольких «ась» и «чаво» подробно рассказал, что в селе есть караван-сарай, где можно остановиться и переночевать. Это заведение гудело как потревоженный улей, и из раскрытых дверей валил махорочный дым. Опасаясь за целость лошадей, мы решили попытаться подыскать что-либо поскромнее и через полчаса пили чай из расписных пиал в приземистой хате бывшего семиреченского казака Данилова. За компанию по случаю самовара подсели и хозяин с хозяйкой. Узнав, что мы из Москвы и пробираемся к Балхашу, хозяин оживился.

— На Балкаш-то? Знаем. Что ж, дело хорошее, только кабаны там...

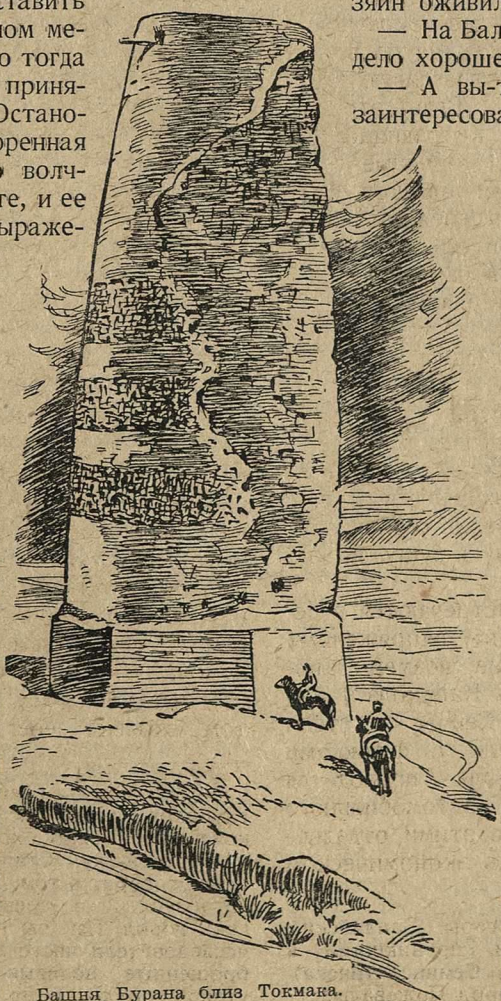
— А вы-то были на озере? — заинтересовались мы.

— Как же, можно сказать, промышляю на ём... Да вы поглядите, вон я третьего дня сазанов с Балкаша привез. Те, что покрупнее, распродал, а помельче остались.

Мы вышли во двор. На веревках, протянутых между сараем и бричкой, вялилась распластанная рыба. Я заметил ее и раньше, но принял тогда за улов в каком-либо местном озере или недалекой реке Чу.

— Но ведь Балхаш отсюда километров пятьсот будет. Как же вы туда добираетесь?—недоумевал я.

— Зачем пятьсот? Ежели вам через Алма-ата требуется, то и более будет, а мы своей дорогой — прямиком через Пишпек. В пять суток доходим, ежели лошади

Башня Бурана близ Токмака.

сытые. Ну, с собой воз сена да овса лошадям везешь, а обратно рыбы нагрузишь. Сейчас-то оно самый лов. Эх! завалился бы рыбой, да возить далече...

И этот крестьянин-промышленник рассказывает о богатстве озера. Он знаком с южной частью Балхаша, от залива Алакуль до устья реки Или. Здесь на протяжении нескольких сот километров балхашского берега разбросано четыре-пять пунктов, где можно встретить человека, если не считать постоянно кочующих по степи казакских аулов. Горсточка русских поселенцев занимается рыбной ловлей и охотой, а также в силу привычки земледелием. Но пшеницу и просо сеют только для своей нужды. Рыбу ловят огромными неводами полкилометровой длины, и во время «хода» — в апреле — в одну тоню берут до 25 тонн. Ценится она там немного дороже воздуха и комаров. Ее коптят, солят, сушат, вялят и... гноят. А нетронутые окрестные камыши кишат дичью и кабанами, с которыми ведут постоянную войну из-за посевов местные землеробы и которые до сих пор служат излюбленной пищей прибалхашских тигров.

Скоро пройдет Турксиб. Он заденет Балхаш на восточной его оконечности, и тогда несомненно балхашская рыба и лакомки-кабаны найдут свое место в советском бюджете. Богатства края будут хозяйственно и планомерно использованы.

Расседлав лошадей и задав на ночь корму, ужинаем. Данилов наредкость разговорчивый и неистощимый в темах человек: исчерпав Балхаш, вспоминает о своих похождениях во время киргизского восстания 1916 года. И понемногу перед нами встает подлинное лицо этого загорелого мужика с выщипанной клочьями бородкой, маленькими хищными глазками и большими жилистами руками. Вот этими самыми руками меньше чем полтора десятка лет назад он искусно прокалывал по два человека за раз и ухарски рубил головы «с продергом» до седла...

Данилов — казак из Сибири. На этих «удалых добрых молодцев» опиралось самодержавие в Семиречье. И «молодцы», которым нарезались за службу огромные наделы из благодатной «киргицкой» земли, верой и правдой служили щедрому «царю- батюшке», не щадя живота...

В самом начале восстания сотня «запаса», в которой состоял Данилов, из Верного была брошена в Пишпекскую долину, а отсюда вместе с уланами направлена в селение Кочкорку. Селение это раскинулось в богатой плодородной долине за Александровским хребтом. Несметное количество киргизов, собравшись с окрестных гор, об'единилось там отстаивать против ненавистных «орусов» (русских) свои исконные земли.

Недалеко от Кочкорки, в одном из селений отделившаяся сотня Данилова была атакована неприятелем. Отряду удалось занять большой двор с садом, обнесенные дувалом. На ворота был установлен пулемет, в дувале проделаны бойницы, и отряд почти без урона отбил длительную атаку. Пулемет, направленный в гущу атакующих, клал трупы у наружной стороны дувала, и по ним как по настилу взбегали на стену киргизы, размахивая топорами на длинных ручках. Их снимали пиками. По данному знаку киргизы отступили, оставив раненых; их добивали казаки, соперничая в меткости стрельбы... А вдали, под вековым шатром белоснежных гор курились дымки бесчисленных юрт, и по степной шири носились толпы всадников.

Следующая атака началась необычно. Изумленные казаки перестали стрелять и облепили дувал, глядя на невиданное зрелище. К укреплению двигалась странная процессия: впереди выделялся мулла в белом халате и чалме, с раскрытым кораном в руках, поддерживаемый двумя джигитами, за ним шли престарелые аксакалы (старейшины) и позади, до самых аулов, жуткие в своей молчаливости, двигались непроглядные тучи воинства. Сохраняя суровое спокойствие, приближалось шествие, сухо дребезжал голос муллы, читавшего коран, и казаки в нерешительности мяли в руках затворы карабинов.

Из-за ранения сотенного командира Данилов принял командование отрядом. И он решил показать себя. Молча подпустив процессию на кратчайшую дистанцию, он отдал команду:

— Бей идолов, еретиков! Крой попа ихнево!..

Застучал пулемет, вразнобой загремели карабины. Упали аксакалы, упал мулла и коран... Дико, нечеловечески закричали обманутые даже самим богом киргизы, в ослепляющей ярости устремляясь на пики. Это была невиданная горячая атака, и немало казаков пало с раздробленной головой и ворочалось на земле с зарядами охотничьей дроби в груди...

В эту атаку искусный киргизский стрелок испортил пулемет, забив с противоположного дувала «пуговку» меткой пулей. И ночью тайком бежали казаки, пробив выход в дувале и усыпив внимание осаждающих воткнутыми у ворот пиками.

Уже с улыбочкой рассказывал Данилов, как, вернувшись с уланами, они нашли избитый камнями свой оставленный пулемет и как сжигали детей и женщин в их юртах, чтобы «адову племени» не повадно было в другой раз воевать «супротив Расеи-матушки»...

Напоив лошадей, мы постарались поскорее убраться в предоставленный нам для ночи камышовый шалаш. Потрясенные и возбужденные, мы долго не могли уснуть, делясь впечатлениями о слышанном, но первые тридцать километров и душистый опьяняющий запах весенней ночи взяли свое. И проснувшись, мы до слез щурились от вливавшихся в отверстие шалаша длинных оранжевых лучей и бранили друг друга за упущенное прохладное утро.

Милка стала еще беспокойнее. Не говоря уже об автомобиле, пугается встречных бричек, пешего киргиза и придорожных кустиков. Очевидно вчерашняя порка у нее каким-то образом связалась с шумящим и пылящим чудовищем, и она окончательно испортила себе нервы. Теперь я придерживаюсь другой системы: становлю ее мордой к автомобилю и успокаиваю, трепля по шее и подбирая трогательные слова. О ее настроении я научился догадываться по ушам. По ним я определяю, куда смотрит лошадь и что думает. Вот сейчас она поставила уши в правую сторону и слегка подняла голову. Я знаю: она думает, как бы ухитриться испугаться вот этого невинного камня на краю дороги. Но камень как назло стоит с адским спокойствием. Он не собирается ни шуметь, ни пылить, и на нем беззаботно уселась крохотная пичужка. Уши долго «смотрят» в ту сторону: не вспорхнет ли пичужка? Это было бы все-таки достаточным предлогом, чтобы сделать страшные глаза и шарахнуться в сторону. Но пичужка демонстративно чистит перья, и уши Милки пристыженно загибаются назад, чуть-чуть расходясь в стороны: сорвалось.

Я с тоской думаю о предстоящих горах, где вероятно как раз достаточно камней, чтобы этой зловредной скотине растрепать меня по отдельным молекулам...

Местность изменилась, стала более оживленной, появились редкие деревца, топкие болота — сазы — и даже камыши. Здесь, в нескольких километрах севернее, параллельно тракту протекает река Чу, или, как ее называют русские крестьяне, Чуя. Чу — интереснейшая река. Начинаясь в горной системе Терскей-тау, она проходит вблизи западной оконечности Иссык-куля и протекает свыше тысячи километров, чтобы бесславно исчезнуть в горячих песках Бекпак-дала (Голодной степи). Только в периоды разливов ее воды достигают озероболотной системы Саумал-куль. Говорят, что там, где пропадает Чу, на десятки и сотни километров простираются не знающие следа человека камышовые дебри, в которых привольно живут кабаны и тигры. И еще люди, исколесившие вдоль и поперек край, рассказывают, будто в примыкающих к Саумал-куль необ'ятных степях до сих пор пасутся табуны легендарных куланов[1]). Их не могут догнать даже удалые джигиты на лучших конях, потому что резвые куланы носятся по пустыне быстрее ветра...

Во Фрунзе я слышал давнюю историю о вдохновителе Чу, известном в Семиречье инженере Васильеве. Почти тридцать лет назад он начал изыскания в

---

[1]) Куланы — дикие полулошади-полуослы, водившиеся в недавние времена в казакстанских степях. В настоящее время относятся к исчезнувшим, но некоторые исследователи считают этот факт не подтвержденным.

долине реки и разработал детальный проект орошения прилегающей местности путем устройства в бассейне Чу крупных ирригационных систем с мощными плотинами и колоссальной емкости водохранилищами. Васильев мечтал о крае, утопающем в персиковых и виноградных садах, о пышных плантациях риса и хлопка. Гигантскими шагами шло осуществление этого грандиозного проекта. Был выстроен цементный завод и из Америки выписаны машины для вспомогательной гидростанции на Чу (близ Пишпека), так как работы предполагалось вести электрическими экскаваторами. Царское правительство, предвидя большие барыши от этого предприятия, щедро бросало деньги на «цивилизацию дикого края», но... ни оно, ни мечтавший о персиковых садах инженер Васильев не учли всей глубины разыгрывавшейся трагедии потерявшего землю киргизского населения. Восстание 1916 года разбило вдребезги радужные мечты «мирных завоевателей», разрушив пресловутую идиллию персиковых садов на награбленной земле.

Пришла другая стройка — советская. Сейчас новые заводы и фабрики ожидают свет и энергию от заканчивающейся возведением Аламединки — той самой станции на Чу, которую так неудачно начал строить Васильев, а дехкане старательно прокапывают канавки от новопроведенных арыков на первые тысячи гектаров орошенной земли. И впереди уже не воздушные замки, а строгий план орошения новых сотен тысяч гектаров пустынных и плодородных земель и плановое развитие мощных колхозов из трудовой киргизской бедноты...

Едем медленно. Недоумеваем, что с нашими лошадьми. Они имеют безнадежно скучный вид, плетутся нога за ногу, а мы едем лишь по двадцатым километрам сегодняшнего пути. Если эти животные не будут делать хотя бы по сорок километров в день, то мы смело можем перекроить маршрут на двойную продолжительность. Щеглов усердно нахлестывает свою лошадь и советует мне следовать его примеру, уверяя, что они «разойдутся». Но минутный под'ем энергии от такого воздействия быстро проходит и сменяется соответствующим упадком. Видя, что наши усилия обратно пропорционально отражаются на нашем движении, отпускаем поводья и с невеселыми думами ожидаем, скоро ли на горизонте покажется Токмак.

— Посмотри, что это за огурец? — останавливается Щеглов, показывая камчой в даль.

Справа, у подножья гор, на ровном месте высится странное сооружение, действительно похожее на поставленный торчком огурец. Роюсь в памяти, а потом и в маршрутной карте. Вот оно что. Оказывается — это знаменитая историческая башня Бурана, о которой мы так много слышали.

Токмак встретил зеленью, нескончаемыми слободами и пылью. Город резко делится на две части: узбекскую—типично восточную—и русскую. В первой—базар, шум, движение, жизнь; во второй—зелень, сельский уют в двориках и камышовых поветках [1]), тишь. Сами того не подозревая, дважды проехали «центр». Опрошенный русский возчик не останавливаясь пробурчал:

— Каво? Центыр? Какой центыр? Вуна церква... — и махнув кнутом в пространство, заодно стеганул им лошадь.

Наконец у волкома ВЛКСМ парень в красной косоворотке дал адрес Дома Дехканина: прямо, прямо и направо за угол. Нам отвели маленькую комнатку и на кухне заботливо разогрели утренний борщ.

III

«Наши лошади!»—Женщины в парандже на первомайском собрании. — Памятник давно минувшего. — Чу вздулась. — Семьей на пахоту. — Даешь Кастек! — Мы боремся с бураном. — «Кинофильм» в горах. — Караван-сарай. — Плач в ночи. — Соревнование с кекликами. — Нас встречает «Отец яблок».

— Наши лошади!..

Я открыл глаза. На пороге стоял совсем одетый Щеглов, добросовестно изображая собой беспросветное отчаяние.

— Обе?

— Обе.

Я решил, что торопиться не стоит, и натянул одеяло. Но...

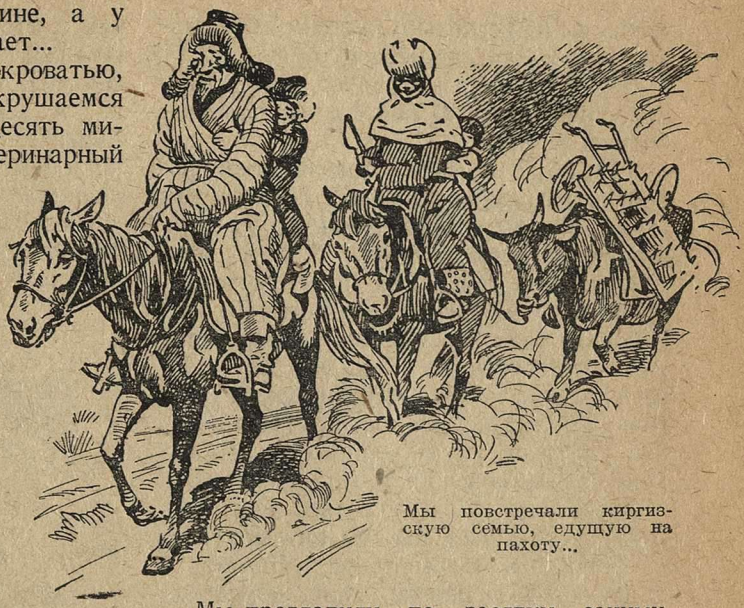
---

[1]) Поветка — навес для скота и хозяйственных принадлежностей.

— У моей — бугры на спине, а у твоей — задняя нога не работает...

Это другое дело. Одеяло за кроватью, и через минуту мы уже оба сокрушаемся над «драконами», а еще через десять минут ведем наших коней на ветеринарный пункт, где фельдшер вне очереди мажет их мазью и втирает скипидар.

Милка идет с пункта уже всеми четырьмя ногами, а бугры у щегловской Старухи густо намазаны мазью и дали обещание фельдшеру во что бы то ни стало сойти до завтра. Мы чувствуем укоряющие лошадиные взгляды и спешим достать овса, чтобы заглушить свою вину: несколько раз во время пути накормили их еще горячими, не дав достаточной выстойки. Так они и шли...

Мы повстречали киргизскую семью, едущую на пахоту...

Больные лошади, строго распределенное время и тяжелый горный путь впереди... Это не «гордиев узел», который рубят смаху, это—вопрос. И он стоял на маленьком совещании, на котором мы были с совещательным голосом, а наши лошади фигурировали с решающим. Резолюция — двухдневный отдых, максимальная разгрузка от багажа и честный ход в дальнейшем—была принята единогласно.

Завалив кормушки клевером, мы принялись за выполнение второго пункта. С болью в сердце расстались с восьмикилограммовым мешком прекрасных московских сухарей, за ними пошла об'емистая банка питательной смеси толокно-какао-сахар и заветный томик Горького.

Щеглов был уличен в излишнем количестве карандашей и «ватмана», а у меня оказались две записных книжки. Разгружаться, так разгружаться. Мы не добрались до пуговиц на брюках только потому, что некогда было...

На грязно белом дувале, у входа выведено углем: «Бар-пиво», а внутри—пиво и шашлык. Почему это называют столовой?

Грузин в «грузинке» при поясе с костяшками рассыпался в любезностях:

— Барашик молодой, хороши шашлык пожалиста, ничего не стоит...

Мы проглотили по десятку сочных, пахнувших дымом палочек шашлыка по десять копеек штука и вспомнили длинные ряды меню у дверей московских столовых.

В этот вечер мы были на предпраздничном собрании, посвященном 1 мая. Маленький залик городского кино, освещенный мерцающим электричеством и (про запас) керосиновой лампой, был торжественен и тих и набит доотказа. Поджав под себя ноги, на деревянных скамейках в глубокой задумчивости сидели киргизы. Женственно смуглые узбеки, подпоясанные цветистыми поясами, широко открытыми выразительными глазами смотрели в президиум. Держась особняком, в уголку живописно сгруппировались закрытые узбечки. Они — живое напоминание о том, что на Востоке женщина прошла только половину пути—от полутемного ичкари[1]) до общего собрания, что ей остается еще другая половина—к озаренному полным светом лицу и советской культуре.

Фельдшер был прав: лошади поправились. От бугров осталось лишь маленькое воспоминание, а нога работает попрежнему. Сегодня нужно немного «про-

---

[1]) Ичкари — женская половина жилища у узбеков.

мять» их на несколько километров и завтра утром — в дальнейший путь.

Под вечер оседлываем лошадей и едем к башне Буране. О ней мы слышали занятную легенду.

«Чу была большой многоводной рекой, а в ее долине кочевал великий кан (хан). Это было очень давно, и ни один старик не помнит этого. У кана была единственная дочь, и он очень любил ее, хотя дочь и не могла продолжить его знаменитого рода. Но пришла однажды старая-старая женщина и сказала ему: «Ты великий кан, но ты бессилен спасти свою дочь: как только она достигнет зрелости, она умрет от укуса черного паука. Такова воля аллаха, и я тут не при чем».

Опечалился кан и, умертвив злую старуху, долго думал, как бы ему выручить из беды дочь. И решил он построить в степи большую башню, чтобы поместить

Снег... Слепит глаза, забивается за воротник...

там дочь и спасти от кара-курта, который никогда не забирается высоко. У кана был умный человек Кытай (китаец) из далекой земли, и он взялся построить такую башню. Согнал кан киргизов, и закипела работа. Когда башня была готова, в ней поселили маленькую дочь кана и приставили прислужниц, которые должны были всякий раз переодевать платье, когда входили к девочке, чтобы в складках одежды не занести страшного паука.

Шли годы. Много раз уходили киргизы на джайляу и приходили обратно, а девочка в башне росла и хорошела. Скоро весть о ее необычайной красоте разнеслась по всему свету, и с далеких гор приезжали джигиты, чтобы взглянуть на нее с высоты ближнего холма. Счастливый кан собирался выдать ее замуж, чтобы сделать своим наследником ее первенца. А девушка скучала. Она не могла выйти из башни, чтобы побегать по траве и потрепать пышную гриву степного скакуна.

Однажды любящий кан принес дочери свежую гроздь винограда. И он не заметил, что между сочными плодами притаился черный паук. Девушка, радостно схватив кисть, стала отрывать по виноградинке губами, и кара-курт укусил ее. Умерла девушка. Не выдержал старый кан удара и умер вслед за дочерью. А башня осталась, и до сих пор внутри ее живет черный паук»...

Так гласит киргизское предание. Его рассказывают тихими вечерами под заунывные звуки кобыз ветхие оленгчи [1]) и, смотря по количеству мяса в казане хозяина, прибавляют различные подробности.

Башня видна уже за токмакскими садами, и мы не спрашиваем дороги. На протяжении одиннадцати километров она медленно увеличивается в размере и на последнем километре сразу вырастает, подавляя окружающий ландшафт своею

[1]) Оленгч — песенник, наподобие украинского кобзаря.

мощью. Под'езжаем, задрав головы кверху. Махина! 24 метра высоты и около 10 метров в поперечнике. Восьмигранное основание башни носит явные следы недавней реставрации [1]); тут поработало не столько время, сколько окрестные крестьяне, приспособившие было «для хозяйства» орнаментованные кирпичи.

Мне хочется забраться внутрь башни или хотя бы заглянуть в нее. Там, говорят, до сих пор сохранилась лестница с арчовыми [2]) ступеньками, расписанными ассирийскими письменами. Но входное отверстие, заложенное досчатым щитком, находится на четырехметровой высоте. Попытка влезть с седла не увенчивается успехом—выветренный кирпич осыпается, не за что ухватиться. Щеглов подбадривает меня, высказывая предположение, что кара-курты могут жить и давать потомство даже на башне.

Оставив лошадей, влезаем на большой земляной холм, чтобы сделать зарисовки и фотоснимки. Холм удивительно правильной конусообразной формы. Производивший здесь изыскания джетысуйский краевед археолог Городецкий рассказывал нам, что этот холм служил цитаделью древнего тюркского города Невакета. Он показывал составленную им путем многолетних исследований карту Чуйской долины, какой она была в те незапамятные времена. Это был густо заселенный богатейший край с высокой культурой. Недалеко от Невакета были расположены большие цветущие торговые города: Суяб, Зекет, Педжикет, Баласагун. Тут был второй после Ферганы путь из Китая в Западный Туркестан—Хиву и Бухару, и когда через Фергану шел итальянский путешественник Марко Поло, Невакет был в полном расцвете.

Глядя с высоты холма на жалкие развалины городищ, поросшие чахлой полынью, трудно представить, что вот здесь когда-то шумела жизнь большого города и по улицам, звеня колокольцами, шли в далекие земли караваны верблюдов с товарами, а с высокой башни рядом с цитаделью на восходе и закате солнца заунывно кричал азанча, призывая правоверных к молитве...

Побродив по сонным развалинам прошлого, мы в вечерние сумерки возвратились в Токмак.

Утром выехали дальше. Барабанил дождь по полям шляп, и блестели мокрые бока лошадей. Чу вздулась за ночь и со стуком катила гальку по дну. Ее русло—десятки потоков, мечущихся и бросающихся один на другой или расходящихся в стороны, образуя каменистые острова и песчаные косы.

Мы пробираемся вброд, рискуя каждую секунду очутиться в бурной клокочущей воде. Лошади оступаются на подводных камнях и заметно уклоняются по течению. Выше поднимаем ноги, и уздечку «на правый борт». Что это? Лошадь Щеглова барахтается далеко влево, почти погрузившись в воду, а всадник лежит на седле и правит уздечкой обеими руками как рулем шлюпки. Из-за рева реки не слышно крика. Потом лошадь, рассыпая брызги, поднимается выше, выше — и выходит на береговую отмель. Мы на «том» берегу.

Дорога вьется около реки; слева—горы. На них нет снега, но они близко и кажутся огромными. Их вершины окутаны рваной паклей туч, а у подножья, под склонами, в густой туманной дымке едва виднеются крошечные серые бугорки юрт.

Пять долгих часов по раскиселившейся дороге — и мы приехали в Кара-булак (Черный овраг) — русское селение с киргизским названием. Тридцать пять километров в пять часов — приличный ход. Очевидно «драконы» все-таки решили выполнить свою часть договора.

Село скреблось, мылось, чистилось — прибиралось к пасхе. Долго месили уличную грязь от хаты к хате, спрашивая о ночлеге, пока какой-то мрачного вида паренек, вышедший из ворот, не глядя на нас, махнул рукой во двор.

— Вам на постой?.. Ну заворачивайте, што ля.

Выторговав десяток килограммов овса и двадцать штук яиц, мы подкрепили и себя и лошадей. Мокрые, не раздеваясь, прикорнули на сыром полу, а рано утром, не оглядываясь, «махали» к Кастеку. Бо-

[1]) В 1924 году башня, как ценный памятник древности, была реставрирована.

[2]) Арча — дерево, растущее в высокогорной полосе. Древесина употребляется на выработку карандашей.

дрили яркие лучи солнца, и легкий ветерок с гор приятно продувал насквозь, досушивая одежду.

От Кара-булака до перевала, как нам сказали, было 12 километров. Дорога вначале идет на восток, неподалеку от Чу, потом круто поворачивает на север и уходит по узкой долине к горам. В конце долины—киргизские аулы, а ближе к Чу, рядом с запаханными участками разбросаны небеленные мазанки киргизов.

По пути к горам мы повстречали киргизскую семью, едущую на пахоту. На двух лошадях ехали муж и жена, и у каждого из них, уцепившись позади за халаты, болтали ногами по паре ребят. Вслед поспевал, торопливо перебирая ногами, большой рыжий бык, навьюченный целой грудой сельскохозяйственных орудий.

— Аман, ходжаин-дар [1])! — поздоровались мы, по обычаю прикладывая руку к груди. — Кайда барасын [2])?

— Аман, аман! — радостно закивали головой встречные и, улыбаясь, пулеметом затараторили по-киргизски. Они, конечно, были слишком хорошего мнения о нашем знании киргизской речи. Из всего мы поняли только, что они живут еще в юрте в предгорном ауле и не имеют пока своей мазанки на участке. Черномазые ребятишки пугливо выглядывали из-за спины родителей, а бык, упершись передними ногами в дорогу, словно намереваясь сдвинуть ее в сторону, недоуменно вращал глазами. Узнав по традиции, куда едем и мы, хозяева взмахнули камчой:

— Хош!

— Хош! Хош [3])!

За долиной круто пошли в гору, и скоро только что пройденный путь виднелся далеко внизу. С чудовищной быстротой вырастает горизонт. Выше, выше. С каждым шагом карабкающихся лошадей разворачивается панорама гор. Тонут внизу одни вершины и на их место вырастают другие, выше, мощней. Что это впереди — Кастек? Там клубятся тучи и изредка проглядывают разорванные верхушки гор.

Ветер усиливается. Пристегиваем ремешки шляп. Узкая дорожка из одной колеи, извиваясь среди камней и обходя утесы, упорно уходит вверх. Вверх! Вверх! Едем час, два.. Лошади устают. Рвет ветер. Грозно иссиня-черными клубами надвигаются тучи. Кажется, будто там, в вышине, в беспредельном эфире распустили паровозный мазут, и он тяжело и медленно расходится над вершинами гор...

[1]) Ходжаин-дар — хозяева.
[2]) Куда едете?
[3]) Прощайте.

Утром мы поехали на Узун-агач...

Молния. Еще. Смотрим друг на друга; в глазах вопрос: назад? Нет, это бессмысленно: над Кастеком гроза может быть и завтра и послезавтра. Вперед! Вверх!

Мазут ползет. Ближе, ближе. Затем мрак, глухие удары громового гонга и звонкое щелканье по камням крупных капель дождя. Оглядываюсь назад и... я не в силах сдержать восклицания. Щеглов оборачивается и застывает. Забыв об окружающем, мы смотрим туда, где в разрыве туч, как на далеком экране кинематографа — залитая солнцем долина с бугорками юрт, безмятежно пасущимися стадами овец и сверкающей тесьмой Чу, уходящей в голубые теснины Буамского ущелья. А над всем этим, в расстоянии многих десятков километров — сверкающие в лучах солнца вечные снега и ледники Александровского хребта.

Миг — сменяется кадр фильма: огненная молния, как струя из пожарного брандспойта, чертит перед глазами ослепляющую полосу. Кажется, чувствуем ее жар... Испуганно мечутся лошади. Спешившись, мы удерживаем их. Они рвутся обратно вниз, туда, где солнце и безмятежный покой, но они разобьются вдребезги, зацепившись вьюками за первую же скалу.

От непривычного грохота кажется, будто раскалывается голова и горы странно качаются под ногами... Спускаемся в лощину между скалами. Чуть-чуть затишнее. Ноги утопают в высокой альпийской траве. Невдалеке мчится поток и с шумом рушится куда-то в бездну. Только на одно крохотное мгновение словно луч гигантского прожектора пробивается сноп солнечного света. Он очерчивает дикие контуры скал и, народив невиданный мир контрастов, пропадает...

Но вот гроза пронеслась куда-то в сторону, и мрачный мазут заменили серые плотные тучи. Идет дождь. Выбираемся на дорогу и, ведя лошадей на поводу, упорно двигаемся вверх. Где же перевал? Налетает холодный ветер, и в лицо летят горстями крупные режущие зерна града. Лошади отворачивают голову и отказываются итти. Их жалко до боли, но мы вынуждены пустить в ход камчи.

Снег...

Слепит глаза, забивается за воротник. Как холодно!

Полузанесенная разбитая бричка и неподвижная туша лошади внизу в ущелье... Где же человек? Кричим в метель. Никого... Задерживаться нельзя, — дальше.

Все вверх и вверх. А говорили — двенадцать километров. Отчаянно хочется сесть хотя бы на одну минуту, отдохнуть. Снег стихает, но как холодно! И опять...

Из-под ног выскакивают кеклики...

Щеглов молча стоит и смотрит назад. Я оборачиваюсь и смотрю туда же. Лошади тоже смотрят и призывно ржут...

Сквозь зубчатое окно облаков — долина, солнце, овцы на зеленом лугу...

Тише порывы ветра. Снег перестал падать. Мы выходим на неширокую площадку и снимаем с лошадей куржумы — нужно отдохнуть. Бегаем, чтобы согреться, и когда устаем до упада, вспоминаем, что у нас во фляжке — специально для этой цели захваченный из Токмака коньяк.

Лошади насторожили уши. Из густого тумана доносится тележный скрип. На площадку выползает на паре шатающихся лошадей крытая узкая бричка. Возчики — старик и молодой парень, шлепая по мокрому снегу, вздыхают и сморкаются.

— Ух, пропади ты!.. Насилу выбрались.

Мы недоумевая смотрим на них, потом бежим, бежим на противоположный конец площадки: дорога круто уходит вниз насколько хватает глаз. Мы на перевале.

Спуск круче под'ема. Местами отбрасываемся на спину и принимаем в седле вертикальное положение, стоя на стременах. Бежит ручей. Мы переезжаем его каждые пять минут, и нельзя понять — дорога извивается около него, или наоборот. По сторонам, уходя в облака, нависли громады скал. В ущелье уже сумрак. Ручей увеличивается и ревет, ворочая камни. Нужно громко кричать, чтобы быть услышанным в пяти шагах.

Спустившись в узкую долину, мы под'езжаем к караван-сараю. Большой топкий двор, обнесенный глинобитным дувалом, и в уголку — крошечная саманная хибарка с плоской крышей. Не спрашивая хозяина по обычаю гор, привязываем лошадей и, забрав куржумы, идем в хибарку.

Нас встретил шум голосов и удушливый сизый дым кизяка. Ничего не видя, поздоровались на всякий случай на двух языках и ощупью пробрались на свободный участок пола, устланный сеном. Протирая выплакивающие дым глаза и радуясь теплу, стаскиваем мокроть одежды.

Понемногу огляделись. На полу, сидя на корточках, пили чай человек пять русских возчиков, а у очага, на котором кипел чудовищных размеров казан, возился высокий старый киргиз—хозяин. С видом священнодействующего он брал кусочки кизяка и подкладывал в очаг, а на его плече, ласково урча, терся большой белый кот.

Выпили чаю, согрелись, разговорились. Возчики рассказывали бесконечные истории из своей кочевой жизни. За долгие годы промысла они перевозили все, начиная с хлеба и кончая живыми тиграми и барсами для зоопарков. Мы слушали, и тяжелая дрема усталости слипала глаза.

Поздно вечером пустили лошадей в долину на пастбище. Небо искрилось звездами, предвещая хорошую погоду. Рокотал вдали поток, и тихими громадами высились горы.

Среди ночи разбудил крик. Это был скорее плач, плач ребенка, переходивший в разрывающие сердце жалобные вопли. Я пробрался к оконцу и направил свет электрического фонарика на дорогу. Из мрака надвинулась громадная фигура верблюда. Он стоял у ворот и вопил, вопил не останавливаясь, и к его воплям примешивались гортанные восклицания сидевшего на нем человека... Вышел караванщик и вытащил жердь, заменявшую ворота, чтобы впустить путника. И долго еще слышались на дворе невыразимо горестные, слезливые всхлипывания...

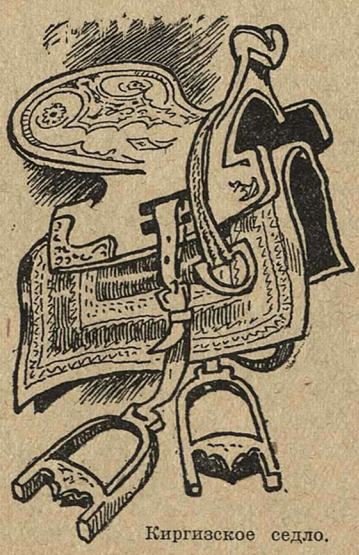
Утром рано раз'ехались. Большинство возчиков поехали «брать» Кастек, за ними, покачиваясь и покрикивая, ушел верблюд, а мы поехали вниз, на Узун-агач (Длинное дерево). И старик-караванщик, заботливо взбив за нами слежавшееся сено, опять остался один со своим котом у кизячного огонька в маленькой серенькой мазанке под навесом гор.

Кони идут бодро, как мотоциклеты отбивая копытами дробный такт. Из-под ног выскакивают резвые горные курочки—кеклики и, отбежав в сторону, наивно прячут головку за камешек или в траву; а в горах, облитых солнцем, стоит их непрерывный квокот, отдающийся эхом по ущелью.

У края дороги—вчерашний поток, но вид у него на много смирнее, чем накануне, а берега—в синеющих зарослях тюльпанов.

Забыто вчерашнее ненастье, и мы весело передразниваем кекликов. Щеглов рифмоплетничает, складывая нечто вроде Одиссеи из нашего маршрута на мотив какой-то старинной «кандальной» песни. У него получается ничуть не хуже кекликов, и он деятельно проводит «социалистическое соревнование»:

Далеко в стране киргизской,
Меж крутых кастекских скал,
Обнесен большим дувалом,
Караван-сарай стоял...

Киргизское седло.

Едем весело и хорошо. И когда под вечер тени от морд лошадей вытянулись как самоварные трубы, мы, оставив далеко позади горы, увидели на горизонте высокие тополя Узун-агача. Сегодня рекорд—семьдесят километров! А на следующий день, после такого же перехода по шумному курдайскому тракту, вечером нас встречал «Отец яблок» бесконечными садами снежными пиками Заилийского Алатау и непередаваемым никаким пером лягушачьим концертом болотистых предместий.

(Продолжение в следующем номере)

XX 193/81

ВСЕМИРНЫЙ ТУРИСТ

№ 11 «З и Ф» 1929

СОДЕРЖАНИЕ: Обложка — фотоэтюд Ю. Еремина. ◂▸ **Верхом по Джетысу.** Очерки Сергея Голубя. ◂▸ **По хивинскому оазису.** Путевые очерки А. Романовского. ◂▸ **На веслах и на боку до самого Баку.** Очерки П. Гаврилова. ◂▸ **Симон Джапаридзе. Памяти друга альпиниста.** Некролог С. Анисимова. **Хроника туризма: За 20 копеек по СССР.**

ПУБЛ. БИБЛ. СССР
XXIX-715

Казаки едут в гости.

Из путевых зарисовок в Прибалхашье худ. **В. Щеглова.**

Очерки **Сергея Голубя** Рисунки худ. **В. Щеглова**

(Продолжение)

IV

Эпопея города. — Об алмаатинских яблоках и садах. — Краеведы энтузиасты. — Катастрофа с маршрутом. — С'едят нас тигры, иль не с'едят? — Про «тигру» и про кабана. — «Она никому не подчиняется, окромя льва».

Из Сибири через реку Или пришли русские; они облюбовали зеленые берега бурливой Алматынки и построили крепость Заилийскую. Это было 75 лет назад. А через год, когда конквистадоры XIX века убедились в прочности крепостных «завалов» и окончательно утвердились у подножья Пестрых гор, они переименовали ее в Верную. Прослышала Сибирь о плодородных землях Заилийского края, и потянулись на юго-восток обозы переселенческих партий вольного сибирского казачества. Выросла первая в крае станица Алматинская [1]).

Крепость постепенно утратила свои функции, развилась торговля, не по дням, а по часам вырастал город — Верный. Уездный, потом губернский, областной, «столица Джетысу» и наконец теперь — центр Казакской АССР. Два сильнейших землетрясения изменили некогда лицо города, заставив его переодеться из неустойчивого самана и камня в дерево. А в наводнение 1921 года, когда теплой ночью с гор хлынули всесокрушающие потоки воды, город пережил немало трагических минут. В память о них, до сих пор на алмаатинских улицах лежат многотонные валуны, низверженные взбесившейся водой из горных ледников.

Сады, тополя, зелень. Это то, что господствует в панораме Алма-ата. Отовсюду видны горы — непрерывная цепь вершин, искрящаяся холодной белизной снегов — сквозь трепещущую и пыльную листву зелени. Город у самого предгорья. Верхние улички уже кривые, гористые. На арыках и стремительных речушках, в «верху» города стоят маленькие допотопные мельницы, как в декорации к пушкинской «Русалке», — такие же красочные и несуразные. Несколько лет назад к самому городу спускались с гор дикие бараны — красавцы архары,—а в тенистом городском саду можно было услышать хлопанье крыльев пестро расцвеченного фазана.

Сады. Необозримые яблоневые рощи в окрестностях города! Если бы мы были осенью, то попробовали бы несравненных алмаатинских яблок. Рассказывают, что баловники-ребятишки бросают полкилограммовые румяные апорты с высоты вытянутой руки на землю, забавляясь тем, что плоды, брызгая ароматным соком, рассыпаются в мелкие кусочки. В дореволюционное время алмаатинские апорты вывозились на бричках в Сибирь и Среднюю Россию, добирались до Москвы и Ленинграда, где за них платили большие деньги. А в годы гражданской войны са-

[1]) От киргизского названия места — Алма-ата («Отец яблок»).

довладельцы выкорчевывали целые яблоневые рощи и... сажали картофель. С проведением Турксиба алмаатинские яблоки засыплют Сибирь до самого Владивостока и картофельные поля вновь уступят свое место яблоневым рощам.

Алма-ата живет бурно. Турксиб всколыхнул город до самых недр сильнее всех землетрясений. Улицы кишат людьми в технических фуражках со значками «топор-якорь», рабочим людом, турксибовскими обозами и автомобилями... Кипит стройка и в самом городе. На улицах — груды досок, бревен, бочки с цементом. Алма-ата готовится к предстоящему переезду правительства Казакстана из Кзыл-орды.

Живем в увешанном плакатами Доме Дехканина. Лошади нашли себе занятие в поглощении неимоверного количества клевера и многочисленных кило овса. Мы знакомимся с городом и людьми.

Алма-ата — краеведческий центр всего Семиречья. Большинство краеведческих сил об'единяет прекрасный местный музей. Среди краеведов есть фанатики края, энтузиасты. С одним из них, тов. Шостаком, председателем Общества изучения Джетысу, мы познакомились на следующий же день.

Энергичный, гладко выбритый человек, он засиял при одном упоминании о Прибалхашьи. Это был яркий тип краеведа-энтузиаста, настойчивого и неутомимого, поражающего сногсшибательными выводами и толкающего строгую научную мысль в сложнейшие расчеты хозяйственных реконструкций.

Говорят, что в Прибалхашье невозможно земледелие? Неправда. Богатейшая долина Или может давать в неисчерпаемом количестве рис, пшеницу, табак, кендырь, виноград... Нужно развернуть колхозы, поставить заводы, фабрики. Есть саксауловые леса, можно использовать водную энергию...

Он много «полазил» по Прибалхашью. В 1927 году провел несколько месяцев в Южном Прибалхашье, проехал знаменитую протоку Топар, которая образовалась лишь в 1919 году, когда на Или случился затор и вода хлынула в оросительный арык, прокопанный полсотни лет назад предприимчивым земледельцем Бебутом. Экспедиция продвигалась вначале на небольших железных лодках, а потом эти самые лодки волокли сами участники экспедиции. Дикий глухой Топар заманил путешественников в хорошую ловушку: вместо ровной, быстрой реки в начале — на сотни километров раскинулись болота, камариные камыши, непроходимые тигровые джунгли-тогаи...

Мы рассказали тов. Шостаку о своих планах пробраться к Балхашу, выложили карты-десятиверстки. По ним от Алма-ата до Балхаша, по Или, 350 километров. Шостак достал об'емистую папку записей и с карандашом в руках высчитал.

— Да, — с улыбкой проговорил он, — ваши карты не совсем точны: по моим сведениям это расстояние около пятисот пятидесяти километров.

Десятиверстки 1912 года врали: дорога, помеченная на них прямой линией, существовала только в воображении чертежников, — она извивалась, добросовестно копируя все затейливые зигзаги капризной Или, а по обе стороны от

Сады, тополя, зелень... Отовсюду видны горы...

речной долины расстилались безжизненные сыпучие пески Тау-кум и Сары-ишик-отрау... Наш маршрут оказался удлиненным на 200 километров! Все строгие расчеты времени отпуска рушились... Перед нами безжалостно захлопнулась шторка надежды увидеть водные просторы озера легенд — Балхаша.

Мы плотно сжали губы, сложили злополучные карты в сумку, и Щеглов извлек чистый лист ватмана. Сделанные нами карты хотя и страдали произвольностью масштаба, все же более соответствовали истине.

Мы едем на прибалхашскую факторию Истай-тюбек—в 350 километрах от Алмаата, в низовьях Или.

Вечерами, когда последние лучи солнца играли на снежных вершинах гор и сумерки нависали над алмаатинскими тополями, двор Дома Дехканина уставлялся бричками и наполнялся тихим хрустом жующих лошадей. Крестьяне-постояльцы собирались в тесные кружки; на бричках и под ними, на разложенных овчинных тулупах, велись нескончаемые разговоры.

Как-то прослышали о нас, что мы едем в Прибалхашье. Наши лошади сразу привлекли к себе всеобщее внимание, и мы сделались предметом самых ожесточенных прений и споров. Выдержат лошади, иль не выдержат? Доедем, иль не доедем? С'едят тигры, иль не с'едят?

Маленький сморщенный старичок, в шапке-ушатке, долго ходит вокруг лошадей, наконец приближается к нам:

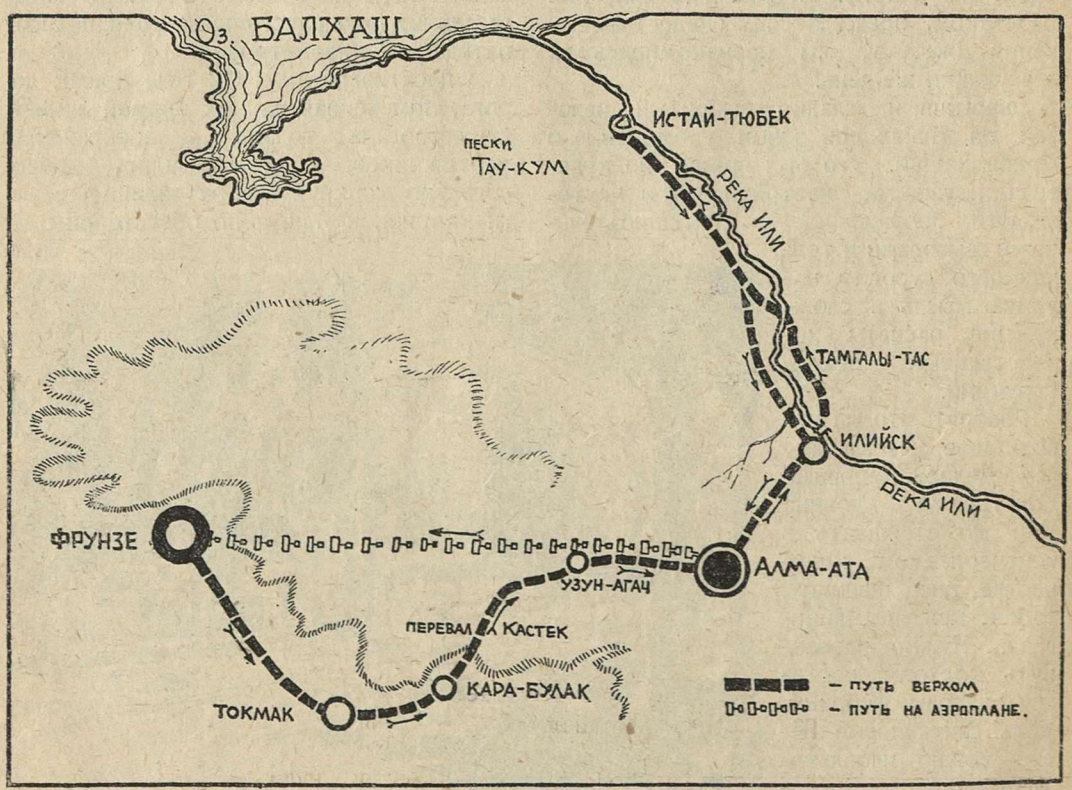
— Знать, на Балкаш едете?

— Пробираемся...

Он долго думает и недоверчиво качает ушами шапки.

— Оно так, да только кабаны там... Опять же тигра... Вась, а Вась! — обращается он к долговязому русому парню, старательно расчесывавшему волнистую гриву коня. — На сколько, ты говорил, тигра чует?

—На семь верст! — невозмутимо отрезал тот, будто речь шла о расстоянии между селами.

Схематическая карта маршрута поездки тт. Голубя и Щеглова.

Старичок поднял указательный палец кверху и в знак своего изумления перед таким сногсшибательным фактом назидательно прошептал:

— Во!

Он отошел, потоптался около лошади, потом вернулся. Посмотрел на нас, снял шапку-ушатку, потом опять одел и решительно выпалил:

— А вот я вам чичас историю расскажу про тигру,—он подумал, почесал затылок и добавил,—и про кабана. Мне один обозчик сказывал, на Балкаш он когда-то ходил. Вишь какое дело было. Сидел это раз один киргизин на Илье [1]), сазана ловил. Сидит и ловит. Вдруг глядит: на него кабанище прет. Прет и оглядывается. Киргизин-то его враз из камыша увидел, а тому углядеть его неспособно. Ну—прет. Струхнул киргизин да в шалаш и спрятался — пущай мимо проносит. Ан, высунулся было — кабан тут как тут. Да только глядит кабан в другую сторону и задом пятится. Посмотрел туда киргизин и про Магомета забыл: тигра! Ползет, окаянная, и целит как бы на кабана половчей скочить. А кабан пятится и — прямо в шалаш. А шалаш об одном выходе был. Киргизину и деваться некуда. Жался, жался, да как-то ногой неспособно повернул — прямо в зад кабану. Хрюкнул тот и как стрельнет вон из шалаша—вишь, почудилось, что его сзади кто-то берет,—и прямо на тигру...

Старичок хитро, как заправский рассказчик, остановился на «интересном» месте и с невинным видом занялся шапкой и затылком.

— Ну, досказывай што ля, — выдохнул, не выдержав, парень, расчесывавший гриву.

— А вот и доскажу... Располохал это, значит, клыком кабан тигриное брюхо. Тигра осерчала и — трах! — кабану по хребту. Враз кончила. Потом — все равно как есть помирать — набросилась на лошадь киргизина — невдалечке спутана ходила — ее кончила. Вылез к вечеру киргизин, когда страх маленько отошел,

Ишак, нагруженный дровами, на улице Алма-ата.

ободрал всех троих — кабана, тигру и лошадь — да и приволок шкуры домой. Заработал...

Рассказчик остановился, потом с досадой, что дал заработать мифическому «киргизину», закончил:

— Киргизы, они завсегда так, чтобы попустому заработать...

Через минуту он уже рассуждал перед собравшимися слушателями:

— Тигра, она никому не подчиняется. окромя льва, потому как он есть ихний звериный царь...

О Прибалхашском крае ходили легенды и небылицы...

V

Мы едем к Илийску. — Панорама стройки. — Джетысуйский Нил. — На строительстве моста через Или. — Казаки и экскаватор. — Степь отступает. — «На дне» в тигровых зарослях. — Илийский охотник Красюков.

Передо мной лошадиные уши и пыльный широкий тракт. Мы второй день едем на Илийск. Впереди, как в японской акварели, встает нежная голубая канва отрогов Джунгарского Алатау. За ними — словно слегка вросший в землю, сверкает Заилийский хребет.

Равнина. Матово-пыльная полынная степь. От полыни — горьковатый запах, он кружит голову среди безмерного простора степи.

Здесь, вблизи почтового тракта, будет проходить Турксиб. Уже кое-где делаются насыпи — проводится трасса. Когда через быструю Или от берега к берегу повиснет ажурная арка моста у Илийска, здесь уже будут лежать стальные полосы рельс.

Иногда вдалеке с правой стороны видны стройные маленькие группы беленьких домиков, — это будущие железнодорожные станции.

По тракту проносятся грузовики, поднимая «дымовую завесу» пыли. Мы встречаем и обгоняем медлительные сонные обозы. Спят возчики, растянувшись на турксибовских тюках и ящиках, на ходу спят волы под нудный скрип тяжелого деревянного ярма.

[1]) «Ильей» русские поселенцы называют реку Или.

Илийск вынырнул неожиданно из-за маленького пригорка. Перед нами в котловине долины развернулась разбросанная и шумливая панорама стройки.

Картина сооружения египетской пирамиды вероятно не была такой живописной. Все, что могло двигаться и производить работу, было брошено сюда, на стройку. Автомобили, волы, верблюды, тракторы — все в лихорадочном движении, в непрестанном и гармоничном круговороте... Рев автомобильной сирены сливается с тоскливым криком верблюда, запряженного в арбу со шпалами, и усердным пыхтением трактора, везущего рельсы. И каждый шаг верблюда, каждый оборот колеса трактора — учтены и расчитаны в строгом производственном плане строительства! Вдали, у песчаного холма размерно подымается и опускается темный силуэт экскаваторной «стрелы»; тонко посвистывая сиреной, торопливо скользят крошечные тепловозики.

В расскаленном воздухе дрожит марево. Крепко пахнет отработанным керосином. Дым из короткой трубы экскаватора разорванными клочьями повис в небе.

Лошади испуганно прядают ушами и с опаской поглядывают по сторонам. Не привлекая на себя ничьего внимания, мы проезжаем по улице невзрачного пыльного поселка, скромно приютившегося в сторонке, и... разом останавливаемся. Перед нами расстилается широкая гладь реки, — Или!

«Или» — это только широко известный псевдоним реки. Ее имя от рождения — маленького бурливо клокочущего на камнях потока в горах Тянь-шаня— скромное, непопулярное — Текес. Этот поток на географической карте неуверенно помечен волнистым хвостиком. От начала хвостика до двухсоткилометровой дельты, щупальцами спрута ухватившейся за голубые края Балхаша,—полторы тысячи километров сквозь горы, степи и песчаные пустыни. Джетысуйский Нил! С Или связано будущее Джетысу: установлено, что ее воды могут оросить полмиллиона гектаров земли, плодородной земли, на которой может расти и пшеница, и рис, и технические культуры!

Невдалеке — пристань: ее только недавно построили. Здесь скоро будет буйно шуметь жизнь: Или — удобнейший путь для торговых сношений с богатыми провинциями Западного Китая.

Мы приютили лошадей и отправились на стройку. Центр ее — мост через Или. Он возводится рядом со старым, деревянным, который долгое время был единственным через реку на всем ее протяжении. На берегах один против другого, опоясанные сетью лесов, растут серые громады устоев. Изящные, матового цвета, тупорылые тепловозики с вязанками составов узкоколейных платформ суетятся, подвозя балласт. У места разгрузки платформы делают крен, опрокидываются площадки с песком и, после нескольких взмахов лопатой стоящего рядом рабочего, снова выравниваются. Опять тонкой сиреной захлебывается тепловоз, спеша к призывно ревущему экскаватору, а его место занимает другой состав.

У экскаватора — грохот, лязганье цепей, гулкие взрывы вылетающих из трубы клубов черного нефтяного дыма. Когда стальные челюсти ковша вгрызаются в грунт — дрожит от напора машины весьмидесятипятитонная громада. Стрела экскаватора осторжно, как рука великана, заносит над составом 2½ тонны балласта. Рывок отпорного шнура — и площадка платформы подпрыгивает на рессорах от нагруженной тяжести. Медленно двигается состав. Иногда, подбирая балласт, задержится ковш.

Движение по тракту

Тогда стальная рука вытягивается над составом и бросает в ушедшую платформу ее долю груза.

На холме перед экскаватором — группа казаков. В шубах и меховых малахаях, они глазами, полными удивления и восхищения, глядят на «шайтана», который враз копает столько земли, сколько поднимает целый десяток верблюдов. Они сидят часами, забыв обо всем, не спуская глаз с экскаватора. В их мозгу копашатся быть может нелепые мысли об этом работающем на людей «шайтане». Скоро и до них докатятся школа, книга, культура. Их дети расскажут им об огненной машине и о многом другом, о чем они так сосредоточенно сейчас думают...

С казаками — верблюд. Он стоит и смотрит: на экскаватор, копошащихся людей, на стройку, смотрит куда-то в даль, и кажется, что его верблюжий ум тоже что-то хочет постигнуть. У него в носу деревяшка. От нее идет веревка. Она в руках одного из казаков. Хозяин вероятно забыл о животном, а он не обижается, стоит и смотрит...

На холм взбирается молодой казак. Он в белой широкой рубахе и штанах, на ногах мягкие ичиги.

— Амам-ба? [1]).

— Аман [2]), — отвечают хором сидящие.

Новопришедший присаживается к группе, и начинаются разговоры, и больше всего об экскаваторе: что такое, откуда привезли, сколько стоит... Он говорит долго, и его слушают, раскрыв рот.

Казаки сидят на самом краю векового, поросшего полынью, песчаного бархана и по мере наступления экскаватора отползают назад. Вспять отходит верблюд. И они не замечают как пядь за пядью уступают дикую пустыню, которую из века в век топтали лишь караваны верблюдов, могучему стальному чудовищу...

Специалист по экскаваторам, партиец, бывший балтийский моряк-механик, долго с любовью энтузиаста рассказывал мне о машине, которая выполняет работу сотен людей, которая укорачивает время стройки, машине столь нужной сейчас нам, строящим социализм...

«Нет, экскаватор слишком слабо назвать машиной, — думал я тогда. — Это разумное стальное чудовище. Чудовище!»

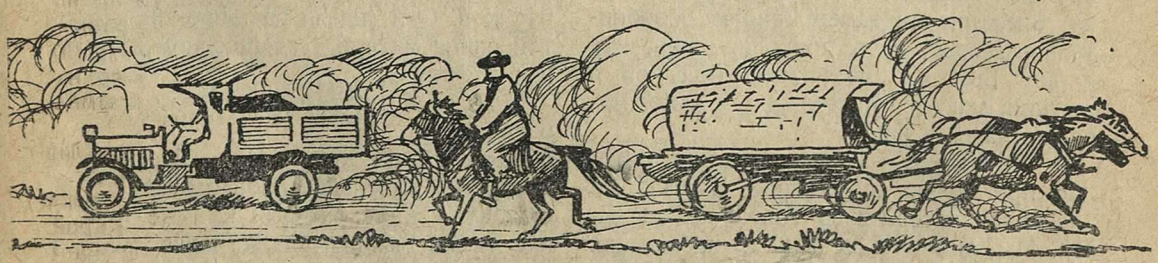
Мне захотелось потрепать мазаный бок грохочущего исполина и сказать что-нибудь большое, торжественное...

Вечером от Или повеяло сыростью. Затих экскаватор. От болотистых зарослей быстрого притока Кискеленки доносилось нестерпимое звонкое кваканье лягушек.

В густых зарослях вблизи поселка когда-то было логово тигра. Страшный джолбарс безнаказанно охотился за дикими свиньями и поселковыми телятами. Потом он ушел вниз, к Балхашу. А пришедшие люди облюбовали это место, расчистили тропинки и повесили на деревьях большие яркие фонари.

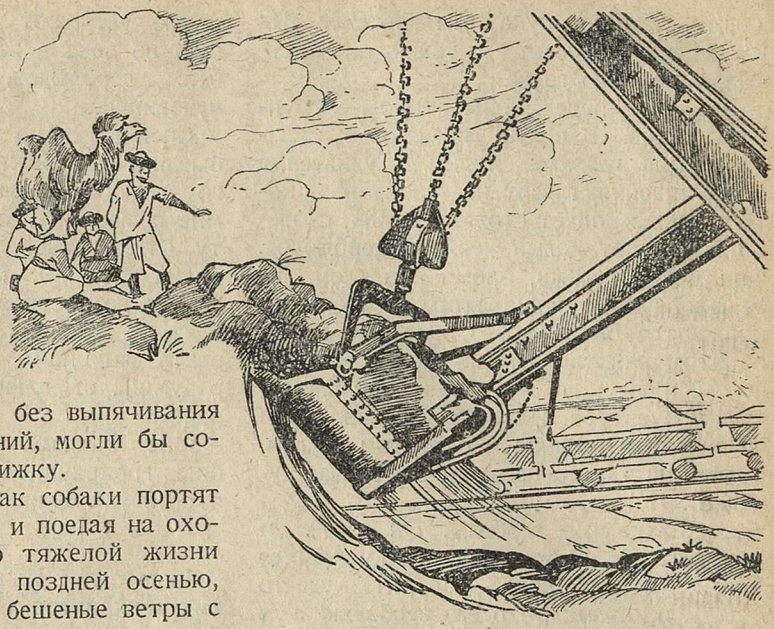
Мы прошли по извилистой тропинке к большому зданию из досок и камышовых цыновок. Это — клуб рабочих стройки. Огромная камышовая дверь была заперта. На ней красовалась разрисованная чернилами афиша, оповещавшая о завтрашнем спектакле. Я раздвинул плетенку и заглянул внутрь. На открытой ярко освещенной сцене несколько парней и девушек, еще не успевших снять рабочие блузы, с увлечением репетировали «На дне», а в переднем ряду сидела пара пожилых седобородых казаков в шубах.

[1]) Здоров ли?
[2]) Здоров, здравствуй.

Алма-ата — Илийск.

Они переглядывались между собой и восторженно покачивали головою.

Казаки пядь за пядью уступают дикую пустыню могучему стальному чудовищу.

Наш хозяин, у которого мы остановились, — охотник. Он несколько лет ездил охотиться на кабанов к устью Или. Его наредкость искренние правдивые рассказы о кабаньих охотах, без выпячивания своих личных похождений, могли бы составить порядочную книжку.

Он говорил о том, как собаки портят кабаний молодняк, ловя и поедая на охоте поросят; говорил о тяжелой жизни охотника-промысловика поздней осенью, когда с Балхаша дуют бешеные ветры с колючими ледяными иглами, ранящими лицо и руки. Говорил о том, что в прошлом году была сорвана охота из-за внезапного снижения расценок Охотсоюзом, и промысловики бросали кабаньи туши на свалку...

Он дал нам хорошие указания на дальнейший путь, сам карандашом вычертил на четвертушке бумаги карту на ближайшие шестьдесят километров, и солнечным утром следующего дня мы, нагруженные мешком свежих сухарей и добрыми пожеланиями, тронулись вниз по зеленеющей долине Или.

VI

Сражение с тарантулом. — Мы карабкаемся по скалам. — Ловкость лошадей. — «Тавреные камни».—Ночью через камыш.— У рыбаков. — Проделки тигров. — Затерянный городок.

— Стой! Тпру!

Я перевесился в седле и наблюдаю за крупным пауком, перебегавшим тропинку. Внезапно он замер, приняв оборонительную позу, чуть приподняв передние лапки. Был он мохнатый, большой и жуткий, какие представляются в кошмаре, в тяжелом бреду.

— Тарантул! — почему-то понизив голос, проговорил под'ехавший Щеглов.

Лошади нетерпеливо топтались на месте. Мы висели в седлах и наблюдали. Паук не двигался.

Я слез с лошади и попросил у спутника ружье.

— Он кажется прыгает, — неуверенно заметил Щеглов, охотно протягивая тяжелую трехзарядку. — Впрочем, может быть, это фаланга прыгает. Не помню...

Я пожалел, что взялся за темное дело убийства этой твари. Я тоже не помнил кто из них прыгает — тарантул или фаланга, хотя в алмаатинском музее мы посвятили немало времени этому вопросу. В искренности же Щеглова я не сомневался. Но ружье было в руках, а паук все еще сидел на дороге. Нужно было действовать.

Вытянув вперед приклад, я осторожно подвигался, занося его над тарантулом. Мне было немножко неприятно. Приклад над пауком. Резкое движение вниз и... словно брошенная горсть мака в разные стороны рассыпались мириады маленьких паучков. Они сидели на широкой мохнатой спине матери, совершенно незаметные для глаза.

Я долго и тщательно вытирал приклад о траву...

Мы едем по долине Или. Здесь река прорезает массивное плоскогорие Карой, образуя узкий красивый каньон. Река у нас слева: мы переехали через мост у Илийска, чтобы увидать Тамгалы-тас. Это

древние письмена на приречных скалах с изображением будды, в тридцати километрах от Илийска. Тамгалы-тас — «тавреные камни». Наивные казаки решили, что камни помечены так же, как метят (тавруют) лошадей, и дали им это название.

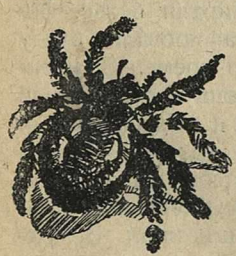
Едва приметная тропка подводит к самой воде. Красноватые порфировые скалы наступают, тесня к обрыву. Зажатая Или ворчит и плещется на подводных камнях.

Скоро тропинка уходит вправо по узкой щели. Мы знаем, — это длинный обходный путь по Карою. Сворачиваем к воде и карабкаемся по скалам. Ползем на четвереньках, сбивая пальцы о твердый щебень; он осыпается со звоном, как металл, и без всплеска исчезает в кипени воды. В поводу ведем лошадей.

Только эти маленькие «киргизки» способны на такие переходы. Они выказывают чудеса ловкости, не смущаясь никакими кручами. Мы напрягаем все свое внимание и предоставляем им почти полную свободу действий.

Милка ведет себя выше всяких похвал. Маленьким игрушечным копытцем она пробует устойчивость камня, потом ступает на него краем подковы и переносит рядом вторую ногу. Мускулы ее напружиниваются. Задние ноги подбираются к передним... Легкое покачивание туловища. Смотрит вперед. Затем бросок!.. И она снова балансирует, уцепившись на камне и спокойно выбирая место для следующего прыжка.

Когда знойное солнце перевалило зенит, путь стал легче. Скалы отступили от реки, оставив возле самой воды узкий каменистый проход. Скоро проход расширился, переходя местами в широкую площадку, густо поросшую колючим чингилем, талом и травой. У ног лошадей шныряют длинные желтые ящерицы; медленно, словно нехотя, уползают с дороги змеи. Здесь водится небольшая ядовитая «змейка-стрела», которую казаки называют еще ок-джилян — «пуля-змея». Она кусает, с необыкновенной быстротой выбрасывая вперед голову.

Тарантул

Небольшие светло-коричневые черепахи, заслышав топот лошадей, торопливо прячут потешную лягушачью мордочку под панцырь. Если случайно лошадь перевернет копытом щиток, мы считаем своим долгом помочь беспомощно барахтающейся твари и повернуть его в прежнее положение: неприятна мысль, что черепаха должна умереть, заживо изжарившись на солнце, не будучи в силах перевернуться. За лягушачью мордочку казаки назвали ее тас-бака—«каменная лягушка». Они никогда ее не убивают.

Казак-рабочий на Турксибовской стройке.

В кустах у реки порхают огромные бабочки с расписными крыльями; надоедливо звенят цикады. А из глухих зеленеющих ущелий в скалах эхом доносится знакомый переливчатый квокот кекликов.

В этих местах несколько недель назад кто-то из охотников видел стадо из пяти горных баранов — архаров. Они резвились, прыгая по отвесным порфировым скалам, и стрелой умчались по Карою, издалека заслышав человека. Охота на них запрещена.

Буйной струей извивается Или, мечась от скалы к скале. Мы теряем терпение и с надеждой поглядываем на скалы—скоро ли Тамгалы-тас? За небольшой, лишенной растительности мрачной долиной, где по «пятам» моей лошади на протяжении нескольких метров скакала рассерженная фаланга, мы нашли широкую площадку с прекрасной травой. Щеглов, выехавший вперед, соскочил с лошади и, указав на скалы, радостно воскликнул:

— Есть будда!

Я закидываю уздечку за луку седла и привязываю подуздок к передней ноге лошади — так она не уйдет и не будет есть. Затем бегу к скалам. Щеглов уже сидит, свесив ноги, на невысоком утесе с дорожным альбомом в руках.

Я карабкаюсь наверх. На громадном плоском камне, метров пяти высотой и такой же приблизительно ширины, искусно высечено изображение будды. Он

восседает в чашечке цветка лотоса, поджав, как полагается, под себя ноги. У него четыре руки. Вероятно это божество пользовалось в свое время большим почетом и имело такие богатые приношения от поклонявшихся, что не успевало загребать одной парой рук. По обе стороны от главного изображения находятся еще два цветка лотоса с буддами поменьше. Внизу, под изображениями — загадочные тибетские письмена. В них, говорят, повествуется «о сокровище в цветке лотоса».

Рассматриваю другие камни, в беспорядке нагроможденные друг на друга. На многих из них тоже надписи и будды. По догадкам археологов-краеведов, здесь, в скалах, некогда было убежище тибетских монахов. Какая-то катастрофа, может быть оползень скалы, подмытой рекой, разрушила его, оставив вечной загадкой хаос расписанных камней.

Щеглов прищуривается на будду, вымеряет на-глаз карандашом масштаб, ухмыляется и бормочет:

— Ну, и накрутили эти монахи!..

Я замечаю, что его лошадь, отвязавшись, преспокойно ходит по лужайке, уписывая «за обе щеки» сочную траву. В голове вихрем проносится воспоминание о токмакской истории с буграми на лошадиной спине от несвоевременной кормежки, и я с жаром излагаю ему свои соображения на этот счет. Он рычит и отмахивается карандашом, и я сам поспешно скатываюсь вниз.

Карабкаемся по скалам... Лошади не смущаются никакими кручами.

Солнце из-за Кароя последними лучами лижет скалы «Тавреных камней», играет бликами на круглом лице будды. Мы пьем крепкий чай и поглядываем на будду и на котелок с кашей, подвешенный над костром. Неистовый звон цикад щекочет ушные перепонки словно шум заведенного аэропланного мотора.

К сумеркам поспела каша, густая, масленая, — заслуженная гордость Щеглова. Ее с'ели залпом; потом каждый подолгу сосредоточенно возился над котелком, царапая ложкой уже пустое дно.

Я заступил на первую «вахту»: одел полушубок с часами и привесил ноган. Ночь наступила тихая, без цикад. От реки доносился легкий плеск, и веяло сыростью. Слышалось равномерное шавканье и медленные осторожные шаги пасущихся лошадей.

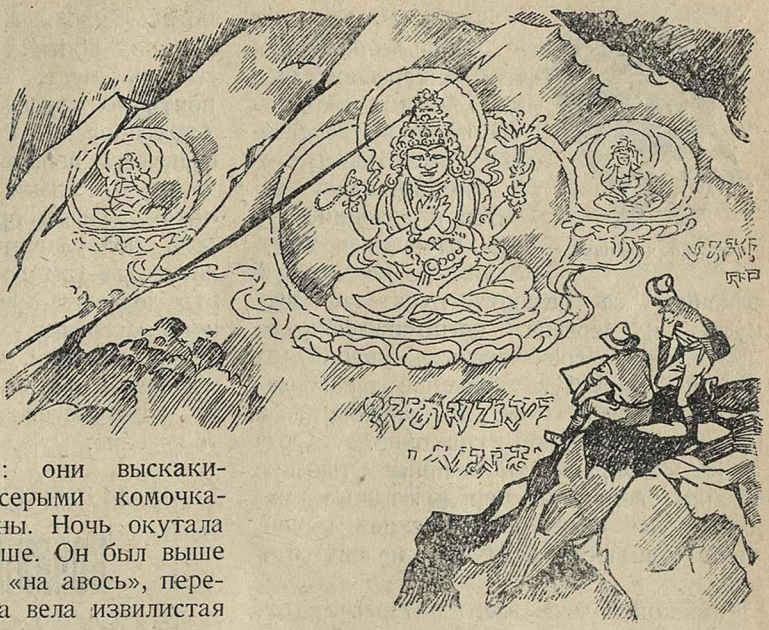
Из-за карниза скалы над головой выплыл сияющий диск луны. Бледный розовый свет ее разлился на хаосе камней Тамгалы-тас, создавая фантастические картины...

Когда просветлело небо над скалами и плес реки залился ртутью, я тихо разбудил товарища и передал ему полушубок, ноган и часы.

Стирали белье, фотографировали будду и попеременно варили кашу и кипятили чай, а лошади ели и ели траву — почти 20 часов подряд! Выехали, переждав полдневный зной. По расчетам оставалось четыре часа ходу до переправы на левый берег, где в урочище Курты находилось селение. Увы, мы просчитались! Просчи-

тался кто-то и до нас, дав нам эту цифру. Мы проехали девять часов, прежде чем увидели человека.

Вначале — по долине, где перед глазами как в видовом фильме разворачивались незабываемые панорамы; потом, когда раздались скалы Кароя, слившись с далями, — по зеленым зарослям кустарника и камыша. Лошадей пугали зайцы: они выскакивали из-под ног и серыми комочками бросались в стороны. Ночь окутала мраком в густом камыше. Он был выше верхового, и мы ехали «на авось», перекликаясь во тьме, куда вела извилистая тропка, чутьем находимая лошадьми.

На громадном плоском камне искусно высечено изображение будды.

Ехали долго, и над нами качался звездный полог неба. Потом взошла луна. Камыш ожил и задвигался, играя серебром пушистых метелок.

Огонек... Мы долго смотрели на него с небольшого пригорка, затем снова потеряли в камыше. Едем долго. Огонь замигал ближе. Нас услышала собака и залилась хриплым истошным лаем. Костер вспыхнул ярче. Во взметах пламени можно было разобрать силуэт стоящего вблизи человека.

Перебрались через вязкий неширокий ручей и выехали из камыша. Люди у костра, хранившие дотоле молчание, вдруг заговорили, закричали на собаку.

Мы слезли с лошадей и занемевшими негнущимися ногами подошли к костру.

— Здравствуйте!

На треноге в подвешенном ведре, раздражая аппетит вкусным запахом, варилась уха. Тут же стояли бочки со свежепосоленной рыбой. Мы попали к рыбакам.

Низенький белобородый старичок посмотрел на нас из-под ладони, затеняя отсвет костра, и, срываясь на высоких нотах, воскликнул:

— Откуда же вы приехали? Да неужто через Сары-камыш ехали? И целы?

Долго и серьезно пришлось уверять, что мы сейчас вот приехали к нему через Сары-камыш и что совершенно целы. Старичок не верил. Оказалось, в этом районе последнее время свирепствовали тигры. В одном ауле за несколько недель ими было уничтожено свыше полусотни голов крупного скота. Напуганные рыбаки привязывали на ночь лошадей к бричкам. Когда залаяла собака при нашем приближении, они решили, что к ним подбирается «тигра», и велико было их удивление, когда перед ними предстали мы.

Уверенно похлопав затвором нашей трехзарядки, мы успокоили рыбаков и подсели поближе к ухе. Лошадей мы все-таки пустили на траву. Они ходили всю ночь и почему-то остались целы. Утром недоверчивые рыбаки щупали их руками...

Они приехали на лов издалека — из Алмаатинского района. Длинная дорога, дорогая кормежка лошадей в пути — все окупается богатым уловом. Но рыбаки скромничают. К тому же исконная традиция—не хвалиться удачей. Они чешут затылок и роняют сдержанно, нехотя:

— Ды так... Ловится маленько...

И тут же наивно выдают себя:

Степная черепаха.

— С нас хватит.

Ловят по-особенному. Интересное орудие ловли: сеть на треугольной деревянной раме. Называется — «кривда». Она ставится в «завоине» — где глубоко и тихо. Если нет подходящей завоины, ее делают: рубят в воду кусты и деревца, нагромождают на протяжении трех-четырех метров от берега запруду. Течение разбивается и огибает ее. В завоине вода кружит медленно, спокойно. Сюда любят заворачивать жирные плоские сазаны, вертлявые продолговатые маринки и белесые илийские окуни; здесь кормятся, отдыхают и ловятся в кривду.

Рыбаков больше всего интересует сазан. Он вкуснее всех остальных илийских рыб, дороже ценится. Маринка — хуже, костистей. Поймав ее, рыбаки стараются поскорее выпотрошить: ее икра пользуется дурной репутацией — от нее бывают рези в животе.

Никакой переправы не было. Лошади перебрались через реку вплавь, мы — на рыбацкой лодке. Это была здоровая встряска. Быстрое течение несло, вертело. Нужно было большое умение, чтобы лодка не подмяла лошадей, чтобы они плыли по обеим сторонам и не перевернули ее.

На левом берегу, на полянке среди густого тогая, сообща варили сазанью уху — густую, заправленную целой горстью перца, пахнущую шашлыком. Рыбаки показали следы тигра. Они неделю тому назад видели, как хищник переплыл здесь через реку и, не спеша, скрылся в камышах.

О появлении тигров в Илийском районе мы слышали от охотников следующее об'яснение. В последнее время вблизи Балхаша увеличилась кабанья охота. И вот тигры, в поисках более спокойных и сытных мест, пошли вверх по Или, почти до самого Илийска. Тут, вблизи Турксибовской стройки, им живется повидимому неплохо. Зато местное население — казаки-кочевники — не знают покоя. Тигры орудуют во-всю: каждый день под ударами страшных когтей валятся две-три лошади или коровы. Все это делается почти на глазах безоружного населения.

Впоследствии, уже на обратном пути, мы видели в местной алмаатинской газете «Джетысуйская Искра» следующее об'явление:

В ИЛИЙСКОМ РАЙОНЕ

ПОЯВИЛИСЬ ТИГРЫ

За истребление тигров постановлением Окрика от 21 мая 29 года за № 20

НАЗНАЧЕНА ПРЕМИЯ по 100 рублей за штуку.

Для всех желающих принять участие в истреблении тигров допустимы всякие способы охоты на них.

Окрзу.

Об интересном способе охоты прибалхашских казаков на тигра рассказывал нам председатель Алмаатинского Окрохотсоюза тов. Гребнев. Это охота ополчением, своеобразный «крестовый поход» на страшного хищника. Об'еди-

Ловля рыбы «кривдой» на Или.

няются на охоту несколько аулов. Идут все, даже дети и женщины. Самые охотники, задача которых убить тигра, — ловкие молодые джигиты. Их вооружение — ай-бадта — узкий кривой топор на длинной ручке, похожий на старинный русский бердыш.

Принцип охоты построен на ненависти тигров к лошадям. У местных казаков существует твердая уверенность, что тигр не переносит лошади; он убивает ее даже тогда, когда совершенно сыт.

Охота ведется загоном, как на волков. Женщины, старики и ребятишки, расположившись огромным полукругом у тогая, поднимают неистовый вой, стучат в казаны, трубят в рожки—их цель заставить чуткого джолбарса броситься в противоположную сторону, где молча стоит цепь верховых джигитов с остро отточенными ай-балтами. Они загораживают путь хищнику. Выскочив из зарослей, он с яростью бросается на лошадь ближайшего охотника. И тут-то нужна вся ловкость и стремительность движений всадника—успеть как можно скорее соскочить с лошади в кусты, на землю, куда попало, лишь увернуться от цепких изогнутых когтей-кинжалов. Пока ослепленный яростью зверь расправляется с лошадью, остальные охотники дружно бросаются на него и рубят топорами.

В этом году в Джетысу уже было убито два тигра. В прошлом году — три. Любопытно, что все тигры убивались исключительно казаками. До сих пор не было случая, чтобы он был убит русскими охотниками.

Выполоскав в реке ведро от ухи, распростились с гостеприимными рыбаками и, оседлав выкупавшихся «драконов», рысью углубились в звеневший голосами птиц пестрый тогай. Час спустя, когда кончились заросли и перед нами расстилалась широкая даль степи, мы сдержали лошадей и, недоумевая, припали к стеклам биноклей.

Перед нами было странное зрелище: среди голой пустыни стояли дома. Да, с десяток настоящих, крытых железной крышей, хорошо выбеленных домов. Маленький, затерянный городок...

(*Окончание в следующем номере*)

XX 19552

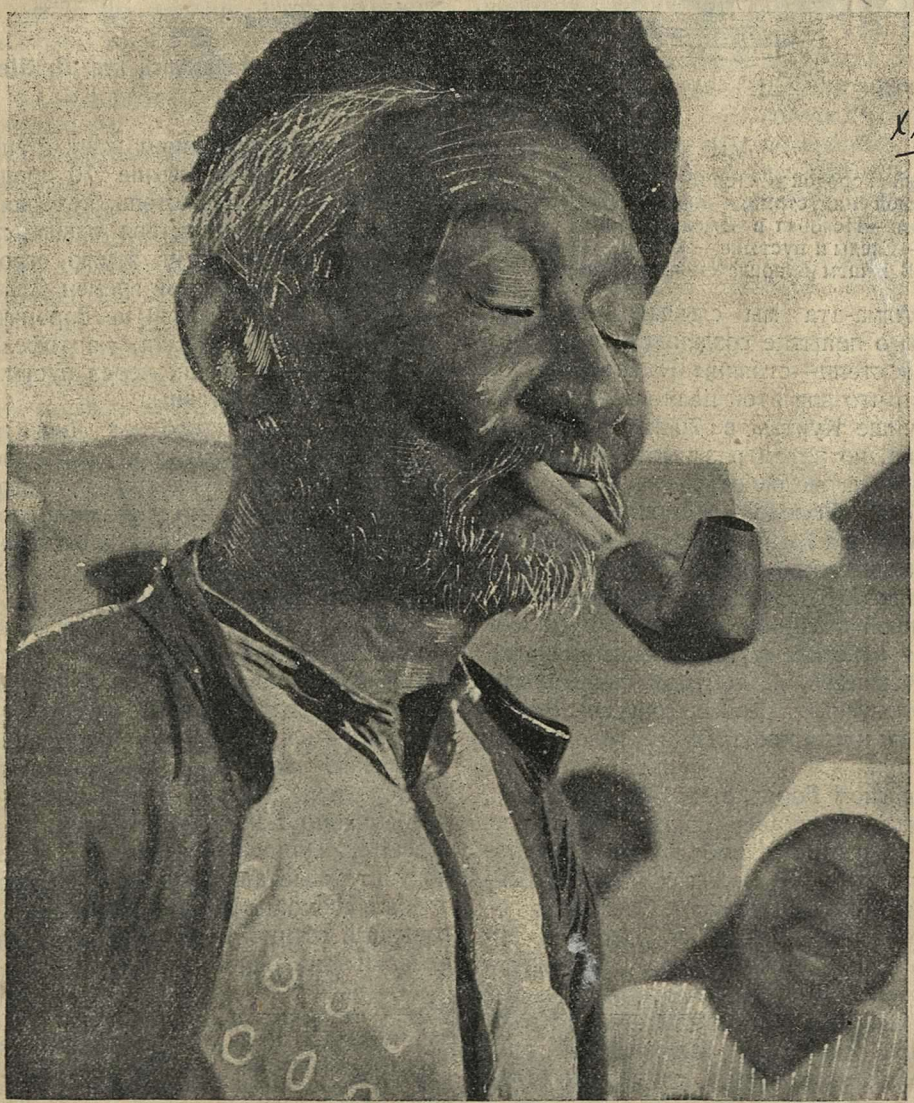
ВСЕМИРНЫЙ ТУРИСТ

№ 12 «З и Ф» 1929

СОДЕРЖАНИЕ: Обложка — фото Ю. Еремина. □ Верхом по Джетысу. Очерки Сергея Голубя □ От Калуги до Козельска. Туристическо-краеведческий очерк Н. М. Маслова. □ Страна пастухов. Очерки Я. М. Окунева. □ Хроника туризма. □ Турист среди книг. □ Содержание. □ Об'явления.

ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА СССР

XXIX-715

Калмык.

Фото Ю. Еремина.

Очерки **Сергея Голубя**

Рисунки худ. **В. Щеглова**

(Окончание)

VII

Красный Городок в степи. — О рисе, Турксибе и тяжелой индустрии. — Как Щеглов на гуся охотился. — Ночовка в Джолбарс-тогае. Букурпески. — Следы в пустыне — «Кайда—барасын». — В нашем бинокле сидит «шайтан».

В Алма-ата мы слышали занятную версию о попытке создания большого города в степи—столицы Казакстана. Говорили, что для этой цели выбрали место в урочище Курты, в 70 километрах от Илийска, но затем раздумали и приостановили начатые работы.

Красный Городок действительно производит впечатление чего-то незаконченного, недоделанного. Десяток чистеньких выбеленных домиков не гармонирует с пустынной полынной степью, с раскинувшимися неподалеку закопченными юртами кочевников, с табуном пасущихся в степи полудиких резвых лошадей. Ни деревца, ни кустарника. Пусто, голо, ровно, как стол...

В Красном Городке: казакская школа, интернат, фактория союза охотников, лавка Казгосторга, амбулатория. В школе обучаются 150 молодых казаков-джигитов из аульной бедноты. Здесь они получают первые знания и здесь же, рядом со своей родной степью, заражаются той тягой к культуре, которая толкает их в техникум, в ВУЗ, в Алма-ата, в Кзыл-орду, в Москву. Они вернутся в степь докторами, инженерами, учителями, агрономами, зоотехниками...

Завшколой тов. Поздняков рассказывал нам, что среди учащихся почти нет отстающих. Это понятно—они торопятся. Их с нетерпением ждет степь—та степь, в которой свыше 70 процентов больных сифилисом, степь, которая не в силах уже прокормиться одним скотоводством и где пашут землю огромным неуклюжим тис-агачем времен Тамерлана и Батыя. Им нельзя не торопиться...

— Хлеб из Алма-ата, картофель из Алма-ата—на бричках через пустыню,— рассказывают куртовцы.

Вблизи ничего этого нет. Лишь в Или ловят рыбу, да осенью стреляют обильную дичь. Когда наступают ветряные осенние стужи, жутко в степном городке. В большие окна брызжут шквалы песку, воет ветер в трубах круглых голландок, воют волки в степи.

Сейчас каникулы. Пусто в больших светлых комнатах школы. Нет молодых веселых гортанных голосов. Рядом с отведенной нам комнатой помещаются «рисовики» — изыскательная экспедиция по выявлению возможности рисосеяния в плодородной долине Или. Сейчас это чрезвычайно важно и актуально. С проведением Турксиба знойный Туркестан получит вдосталь дешевого сибирского хлеба и спокойно сможет взращивать драгоценный хлопок [1]). Но Сибирь не в состоянии дать одного—риса.

---

[1]) В настоящее время собственного хлопка для нужд СССР не хватает, его покупают на золото и в обмен на экспортные товары. Между тем признано, что в нашем Туркестане можно культивировать высокосортный хлопок, не уступающий по своим качествам лучшему египетскому. Таким образом, проведя в жизнь намеченную реконструкцию хозяйства, СССР получит свой хлопок, а значит и дешевую бумажную материю.

Сейчас тысячи гектаров поливной туркестанской земли заняты под рисом. А рис требует в три раза больше воды, нежели хлопок. Это не по силам задыхающемуся от жажды Туркестану. Где сеять рис? Не покупать же его в Китае? Но нельзя оставить без любимого пилава и туркестанца. Где выход?—Здесь, в далеком Прибалхашском крае, на Или, на Каратале, в нетронутых болотистых камышах и глухом приречном тогае.

Экспедиция рисовиков работает с ранней весны. Но ощутительных результатов еще нет. Что-то не клеится.

— Нужно бы машину, чтобы поднять воду из реки на рисовое поле,—жалуется один из членов экспедиции.

— Но ведь можно устроить чигирь,—оспариваем мы.

— С этим слишком много возни, нет материалов...

У рисовиков «дядька» на манер Савельича. Он стреляет уток, стряпает и возит их в бричке на место работы. Нам он удружил полкило дикой кабанины, из которой мы не могли проглотить ни кусочка: она была жестка, как автомобильная шина. Впоследствии мы ели кабанину гораздо лучшую.

В Красном Городке запаслись провиантом: хлебом, чаем, сахаром. На протяжении следующих 175 километров до фактории Истай-тюбек можно было встретить лишь кочевые казакские аулы. Пожелав наилучшего успеха рисовикам, тронулись в дальнейший путь.

На десятом километре от Куртов случилась авария: оступилась Милка. Она бросилась в сторону, испугавшись внезапно взлетевшего фазана, и задней ногой попала в ямку. Теперь она с бесконечно грустной миной и с влажными виноватыми глазами ковыляла на трех ногах. Это произошло посреди глухого дикого Джолбарс - тогая — «тигровых зарослей». Иллюстрация к названию места была налицо: невдалеке валялась растерзанная туша лошади, убитой на-днях и притащенной сюда тигром.

Мы сели на землю, отпили из фляжек теплой невкусной воды и по компасу взяли курс на восток—к реке Или. Нужно было становиться на привал и лечить Милку.

Шли недолго. Сквозь заросли блеснула полоска воды. Мы выбрались к берегу. Невдалеке виднелась полянка с высокой травой.

Внезапно впереди раздалось громкое гоготанье. Из травы высунулась настороженная гусиная голова.

— Гусь!—зашипел Щеглов неистовым шопотом, который был слышен за добрый километр.—Держи лошадь!

Он свалился с седла и, бросив мне поводья перепуганной Старухи, змеей пополз на животе. Гусь гоготал и топтался на месте. Это был невероятно дикий, не видавший человека, глупый гусь.

Щеглов подполз, вскочил на ноги и выстрелил. Гусь тяжело поднялся и, удивленно гогоча, полетел над рекой. Это был классический «мазок»! Валерьян посмотрел вслед улетевшему ужину и, обескураженный, опустился на землю. Я красноречиво молчал.

— Рука дрогнула,—оправдываясь, проговорил он.—Ведь в Москве такой гусь рубля три стоит!..

— «Как сладки гусиные лапки»,—невольно облизнулся я, расседлывая Милку.

— Он все равно не влез бы в наш котелок, и притом сейчас гуси худые, — задумчиво философствовал Щеглов.

— Да,—обозлился я,—но у него все-таки вкусные «гусиные лапки».

На лапки он ничего не мог возразить. У гуся были действительно гусиные лапки, это было неоспоримым моим козырем.

Гусь гоготал и топтался на месте. Щеглов подполз и выстрелил.

Ограничились невероятным борщом из крепкого чая и двумя кашами—рисовой и пшенной. Я попытался было ловить рыбу на булавочный крючок и жука, но скоро охладел к этому занятию: пойманный жук вдруг цапнул меня за палец с такой силой, что немедленно вздулся волдырь.

Ночью по-вахтенно жгли заготовленный сухой камыш и прислушивались к шорохам и звукам тогая. Неясными тенями, путаясь среди гармоники Млечного Пути, проносились над головой летучие мыши. Иногда тишину нервно прорезал крик ночной птицы или гулкий всплеск крупной рыбы в реке. Однажды под утро с недалекого островка донеслись отчаянные крики гусей. Они продолжались минут пять—призывные, полные смертельного ужаса. Казалось, там было кровавое побоище. Потом послышались сильные торопливые всплески и глухие низкие звуки. Лошади беспокойно зафыркали и, испуганно поводя ушами, подошли поближе к костру.

Подбросив в огонь камыша, я отошел к реке. Напрасно силился пронизать глазами мрак ночи. Крики постепенно замолкли. Холодный предутренний ветерок зашелестел листьями камыша.

Чий! Высокая, в рост лошади трава, похожая на стебли ржи без колоса. Целые заросли чия на много километров. И называется это место в урочище Маралды—Ак-тогай—«белые заросли».

После упорных растираний скипидаром и 24-часового отдыха Милка идет бодро. Мы напеваем «Марш Буденного» и по часам отсчитываем пройденные километры. Чтобы сократить путь, едем вдали от реки. Смотрим на солнце, а потом на компас—северо - северо - запад. Едем до глубокой ночи. Завтра предстоит тяжелый путь до Букур-песков, и его нужно проделать с утра, со свежими силами. Сегодня мы должны дойти до границы песков.

Незаметно крутым изгибом подошла река. В лунном свете серебром отливает полынь. Голо. У реки редкая трава. Невдалеке холодно искрятся песчаные барханы—Букур-пески.

Дневной зной быстро сменяется ночной прохладой. Сырыми от росы веревками путаем лошадей и, подложив под головы седла, укладываемся спать. На заре умываемся в розовой воде реки и стараемся доплеснуть из кружки в пеликана. Он, тоже розовый в лучах зари, ходит по отмели и не хочет улетать.

Букур-пески. Взлезаем на барханы, спускаемся. Песок оседает, осыпается под копытами лошадей. Солнце подымается выше. Песок искрится ярко, ослепляюще. Режет глаза. Жжет ноги в стременах. В голову будто направлен фокус выпуклого стекла...

Время весны, и пустыня тоже живет. Кое-где у песка отвоеваны растительностью маленькие ненадежные уголки. На них—редкая зелененькая травка, полынь, жесткие сухие кочки верблюжьей колючки. Нужно поражаться устройству пищеварительного аппарата верблюда, с аппетитом уничтожающего эту колючку. Сорвать куст этого растения трудно да-

На привале.

же в толстых брезентовых перчатках, а «корабль пустыни» ест ее сколько влезет и даже не поколет своих мягких губ.

С характерным булькающим криком невысоко над барханами проносятся бульдуруки—степные куропатки. Они летят парами и стайками—из глубины пустыни в сторону реки, и обратно. Изредка на высоких барханах видим беркутов. Сидят чинно, строго, насупившись, кажутся высеченными из камня и поставленными на барханы. В бинокль видно, как они поворачивают голову, провожая нас острыми подозрительными взглядами.

Беркуты с высоких барханов провожают нас подозрительными взглядами.

Едем долго. Сохнет во рту; кожа на лице окончательно походит на пергамент и, кажется, вот-вот лопнет... На песке шныряют ящерицы. Изредка серебряной полоской блеснет змея. Следы: зубчатый, длинный, словно проехалась крошечная борона—черепахи; гладкий, ровный—змеи; узкий, полоской, со следами-точками по бокам—ящерицы. Есть следы птиц. Песчаной рябью, неподвижными волнами на барханах — следы ветра.

После полудня с последних барханов открылась Или. В зеленой степи виднелись разбросанные горсти юрт—становище Норѐнь. Здесь живет Сейт-Кужай—уполномоченный союза охотников, которого мы должны повидать.

Топот позади. Оборачиваемся. Облако пыли и силуэты всадников в остроконечных шапках. Едем, не прибавляя шагу. Облако накрыло нас. Топот оборвался. Кругом шумно дышащие лошади, радостно возбужденные лица казаков. Мы не успеваем отвечать на приветствия.

— Аман! Аман! Аман!..

И затем старый традиционный вопрос степи, который уже не задают на юге, по ту сторону Кароя:

— Кайда барасын? (Куда едете?)

Мы подробно об'ясняем цель нашей поездки и знаем, что этот вопрос открывает бесконечную серию других: кто, к кому, по какому делу, откуда, сколько стоят наши лошади—и еще много-много. Наш словесный запас расходуется много раньше, чем погашено невыносимое любопытство путников. Тогда с сожалением разводим руками и оба вместе, дружно «декламируем»:

— Бис-казакча-джаксы сюйлешумю-бильбебис [1]).

Это действует верно. Казаки умолкают. Смотрят на нас, потом с улыбкой переглядываются между собой. Вопрос исчерпан. Мы знакомы.

О! Оказывается наше снаряжение, все— от подков лошадей до роговых очков Щеглова,—представляет исключительный интерес. Оно является об'ектом самого напряженного внимания. О ружье говорят между собой почти с благоговением; по очереди под'езжают к Щеглову и гладят пальцем по стволу.

Добрались до бинокля. Мы остановили лошадей и дали посмотреть в него одному из пожилых казаков. Тому пришлось как раз по глазам. Далекие, в синеватой дымке аулы вдруг подвинулись в шесть раз ближе. Видны даже прыгающие телята возле юрт...

Почтенный благообразный старик вытаращил глаза, будто увидел самого «шайтана», и, выронив бинокль, вцепился себе в бороду. Потом наотмашь хватил камчой тощую лошаденку и пустился вскачь по степи. У бинокля в один миг образовалась свалка. Молодежь наперебой старалась заглянуть в таинственную штуку, чтобы увидать то, чего так испугался старик. В степи закружились лошади, в облаках пыли взметались руки, одна у другой выхватывая бинокль.

Пожилые казаки покачали головой и, сохраняя достоинство, остались с нами. Они рассказали, что были на аше (поминках) в соседнем ауле, где с'ели трех баранов и выпили много-много айрана. А завтра будет майрам (большой праздник).

Дорога разделилась. Мы получили бинокль и поехали своим путем, отказавшись от упорных приглашений «в гости» к новым знакомым. Их юрты виднелись в нескольких километрах у приилийских зарослей.

---

[1]) Мы плохо говорим по-казакски.

VIII

В гостях у бая.—«Драгоценности» Чекерходжи.—Какие песни рождает степь.—Степная девушка.—Опять Милка.—Козлодрание и «козлодеры».—На тигровом острове.

— Ходжаин уйдо барма? [1]) — окликнули мы, не слезая с лошадей. Юрта была большая, с чистой кошмой. Она резко выделялась из всей группы, стоявшей на поляне среди редких зарослей. При вторичном окрике закачался полог юрты и, щурясь на солнце, вылезла толстая коротконогая женщина с приплюснутым носом-пуговкой. Она с любопытством уставилась на нас, никак не желая понять того, что мы спрашивали.

— Сейт-Кужай уйдо барма?—надрывались мы, впадая в отчаяние.

— Сейт-Кужай, понимаешь ты? Уйдо.. дома есть?

Уставшие лошади пугливо прижимали уши и недоуменно поворачивали к нам голову. Из юрты доносился сочный храп; оттуда веяло сонной прохладой и нерастревоженным покоем.

— Дрыхнет, чорт, а мы стой тут!.. — проворчал Щеглов, решительно слезая с лошади. Казачка вдруг обрела дар... истошного визга.

— Сейт-Кужай джок! — замахала она руками в пространство. — Сейт-Кужай кетти Алма-ата...

Потом, отвернув полог юрты, прокричала туда что-то по-казакски. Храп перешел в невнятное бормотанье, потом смолкло все, и через минуту к нам вылез пожилой тучный мужчина, — босой, в нижнем белье и в жилетке.

О, радость: он «мало-мало» говорил по-русски! Впрочем первым его вопросом было то же «кайда барасын», лишь иначе изложенное:

— Куда едешь?

Договорились мы быстро. Он был отцом Сейт-Кужая, уехавшего по делам в Алмаату и каким-то образом разминувшегося с нами. Через полчаса мы пили чай, расположившись на пышных разноцветных подушках, и вперебой невозможно терзали русскую речь. В юрту, по случаю гостей, набилась орава женщин и детишек. Прибежала, запыхавшись, вторая жена хозяина. Мы вытащили огромный кусок сахару и, поколов его, выложили на бумагу. Его с'ели в одну минуту.

[1]) Хозяин дома есть?

Чекерходжа — не простой казак, он — оспопрививатель. Далеко по степи славится своим уменьем. Бывают случаи, когда его вызывают за несколько сот километров, чтобы сделать прививку. Медикаменты получает в алмаатинском здравотделе. За прививку берет плату деньгами и натурой. У него любопытная такса: рубль, баран и лошадь. Расценка—смотря по обстоятельствам: учитывается и зажиточность казака, и его личные отношения с прививателем.

После чая поставили варить мясо. Бай, в знак признательности и доверия к нам, решил похвалиться своими ценностями. Выпроводив всех посторонних из юрты и спустив полог у входа, с загадочным видом вытащил из обитого жестью сундука большой кожаный кошель. Тряхнув им, он прошептал таинственно:

— Драготенния! Ух, драготенния!.. Каракол был, там нашел...

Бросив подозрительный взгляд в сторону притихших жен, подумал с минуту, потом решительно открыл кошель и высыпал содержимое на сырмак. Мы, издав приличествующие моменту возгласы удивления, осмотрели «сокровища». Между ними лежал большой погнутый гвоздь и осколок толстого зеркального стекла.

Даже не специалист-геолог мог легко определить «ценность» всего имущества (ломаный грош!). Это были цветные камешки, которых так много можно найти в любой гористой местности. Слышав, что вблизи Каракола есть драгоценные камни, Чекерходжа, приехав туда, набрасывался на все цветные камешки, которые ему попадались...

Разуверять его в этих «драгоценностях» было рискованно и явно бесполезно.

Спрятав камешки, бай снял с кереге большую, отполированную временем и засаленными руками, самодельную казакскую домру. Затянул тоскливую песню. Глухо заплакали жильные струны, рассказывая о каком-то незнаемом нами степном горе.

Притихли детишки, прижавшись у входа. Обе жены, сидя на корточках, молча подкладывали в очаг кусочки кизяка. Глухо булькала вода в подвешенном казане.

Это была простая неизощренная мелодия, сложенная из степных звуков: тоскливого волчьего воя темной осенней

ночью, призывного крика верблюда в пустыне, орлиного клекота в прозрачной синеве и заунывного свиста ветра над степью. Эта мелодия была понятна человеку, знающему степь и слышавшему ее звуки.

Бай кончил одним аккордом и, помолчав, спросил ломано:

— Карош казакча песня?

— Хороша. Джаксы, — искренне согласились мы.

Он подстроил инструмент и вдруг весело ударил по струнам. У женщин загорелись глаза, высоко вздохнула грудь под легким цветным бешметом, задвигались плечи. Лица детишек просветлели, расплылись в улыбку.

Бай подстроил инструмент и ударил по струнам.

В степи есть иные песни, есть веселые, буйные... Соперничая с ветром, несется табун степных лошадей. Они распластались в стремительном беге и кажутся летящими по воздуху. Топот их копыт, их громкое задорное ржанье воспевается в этих песнях. И еще: на серебряном коне мчится степная девушка. У нее высокие груди и гордо запрокинутая голова. В руках плеть. «Эй джигит! Догони меня. Степь велика: от Белого Моря [1]) и до Снежных гор. Будешь мчаться день, два, три... Попробуй—поймай!..»

«Байга-а!.. — ответно кричит степь голосами джигитов, и дрожит земля под копытами лошадей.—Не уйдешь, серебряный конь! Мы накинем аркан на твою тонкую шею. Стой!..»

Поет бай. Быстро бегают пальцы, перебирая струны. Ворчит и брызгается водой казан. Из-за тонкой чиевой перегородки высунулась молодая кыз [2]) Райхан. У нее — пестрое платье и звенящее монисто. Волосы заплетены в маленькие жгуты-косички. Глубокие умные глаза и редкий орлиный профиль: степная девушка. Она задумчиво смотрит вверх, где в широком круглом отверстии видно высоко плывущее белоснежное облако и темной неподвижной точкой парящий беркут...

О чем она думает? Может быть о серебряном коне и кавалькаде удалых джигитов? Или о других джигитах—с маленькими красными значками, которые учатся зимой в большом-большом доме в Красном Городке и рассказывают такие интересные вещи об Алма-ата и даже о далеком неводомом городе орусов, в котором лежит мертвый человек—Ленин—самый великий и самый умный, умнее всех мулл и ишанов [3]) на свете,—о Москве?

Наевшись без соли и хлеба вареной козлятины, напоили лошадей и пустились дальше. Путь — по долине; здесь богатая растительность. Вдали сверкают пески.

Знают ли московские садовники, что в Джетысу есть растение, которое без подстригания и абсолютно без всякого ухода растет правильной круглой клумбой в рост лошади? Сейчас клумбы точно засыпаны снегом—цветут. Они щедро разбро-

[1]) «Белое Море»—(Ак-денгиз)—озеро Балхаш
[2]) Кыз—девушка.
[3]) Ишаны—мусульманские учителя (духовный сан).

саны по долине, и кажется, будто едем по обширному живописному парку.

В степи—всадники. Они несутся тучей, поднимая песчаную пыль. Мчатся сюда. Гиканье, гортанные возгласы, свист... Уже близко... Передний, молодой казак на сером скакуне, ловко придерживает одной рукой у седла черную тушу козла.

Кой-бар-тарту! Козлодрание! Древний, исчезающий спорт кочевников!.. Скорее фотоаппарат!

Не слезая с седла, выхватываю свою шестнадцатизарядную камеру и направляю видоискатель. Наши лошади, заразившись скачками, грызут удила и копытами роют землю. В видоискателе мелькают то кусты, то земля, то небо... Всадники несутся мимо. Скорее!

— Милка, Милочка, чортова дочь! — вне себя реву я. — Стой! Секунду... Стерва!..

До самого проявления пластинок я не был уверен, что мне удалось сфотографировать козлодрание. Вышло это просто как счастливая случайность. Милке уж досталось своим порядком...

С «козлодерами» удалось познакомиться позже. Несмотря на свой азарт в пылу скачек, они все же приметили нас и догнали по окончании байги.

Это были прекрасные парни — рваные в клок, загорелые до-черна и задорные как петухи. Они были пьяны жизнью, буйным весельем. Тесным кольцом окружили нас, теснясь и толкаясь,—каждому хотелось быть впереди. Глубоко дыша и сверкая белизной зубов, засыпали вопросами. Понимали мы мало, они—еще меньше, но бьющая ключом их жизнерадостность заразила нас, и мы тоже смеялись и говорили, размахивая руками и мешая казакские слова с русскими.

Из толпы вдруг вынырнул на черном поджаром быке коренастый здоровяк. Он был оборванней и веселей всех. Сквозь лоскуты одежды красной медью сверкали упругие клубки мускулов. На единственно целом месте засаленной рубашки — на левой стороне груди — гордо красовался кимовский значок.

Он кричал и размахивал руками, пиная босыми пятками устало сопящего быка, пока не встал рядом со мной. Тогда сразу успокоился и, ткнув пальцем в значок на моей груди, спросил:

— Сень комсомоль?

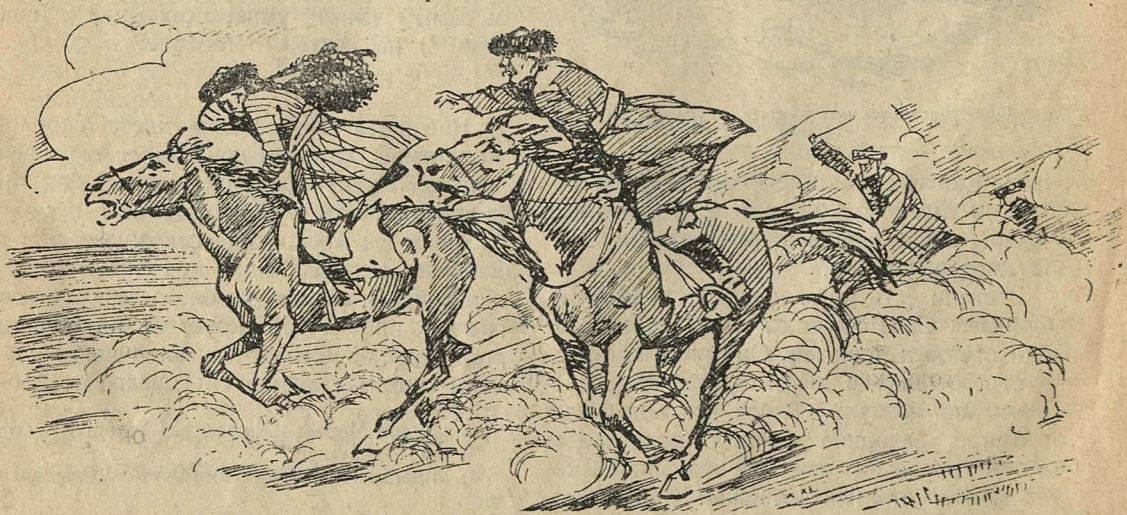
— Я, я, комсомоль!

Он широко блеснул снегом зубов:

— Джаксы!

Оказалось, среди «козлодеров» было несколько комсомольцев. Все они учились в Красном Городке и страстно мечтали поехать со временем на учебу в Москву. Расспросам не было конца. Все, что мог выдержать наш словарь, было использовано. Нас провожали несколько километров. И когда вся орава торжественно, за руку, распростилась с нами и повернула обратно к своим аулам, всадник на быке два раза возвращался обратно и догонял нас: парень еще раз хотел пожать нам руку.

В поисках ночлега свернули к реке. Здесь было открытое ровное место. На прибрежном песке рос редкий молодой камыш, его недостаточно было для проголодавшихся лошадей. Невдалеке пышной

растительностью кудрявился остров. Между ним и берегом — узкая песчаная коса. Не раздумывая, направили лошадей к острову. В нос ударил опьяняющий медовый аромат от непролазных зарослей цветущего чингиля. Продолжать путь верхом было невозможно,—лошади с трудом продирались сквозь чащу. Остановившись на маленькой полянке у реки, решили раньше исследовать остров, чтобы потом уже провести лошадей на выбранное место ночлега.

Я пошел на разведку. В глубине острова заросли были еще глуше. Колючий чингиль, заполнивший пространства между высокими раскидистыми джигдами и густо переплетенный мохнатым цепким вьюном, представлял непреодолимую преграду.

По моим рассчетам река должна была огибать остров. Это означало, что на противоположной стороне могла быть наносная отмель с камышом. Была еще маленькая надежда найти полянку с хорошей травой среди острова. Это было несравненно лучше камыша с его полчищами комаров.

Кустарники поредели. Я быстро шел все дальше, ориентируясь по солнцу. Внимание привлекли большие джигды, оголенные и почерневшие словно от пожара. Они стояли разбросанно, представляя резкий контраст рядом с цветущими шапками чингиля. Я осмотрел одну из них: ствол был сухой, пористый, покрытый мхом, но он не обнаруживал на себе следов действия огня. Это были тогайные мертвецы, умершие от дряхлости. Они рассыпались в прах, стоя на месте.

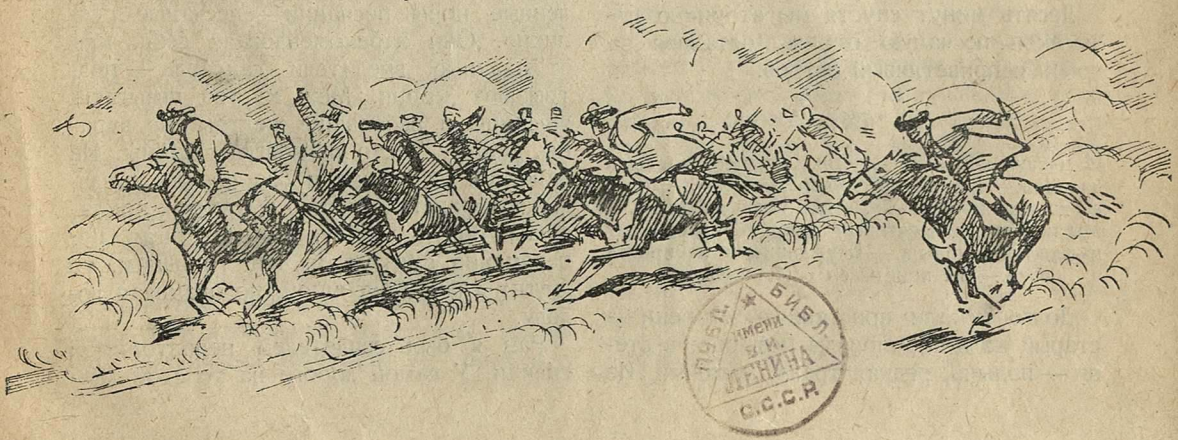
За джигдами-мертвецами оказался просвет. Обрадованный, я почти бегом ринулся вперед. Полянка! Густая роскошная трава! Что это? Нагибаюсь и срываю растение, похожее на клевер, со слегка удлиненными листиками. Кекек! Ядовитая трава, от которой «кружат» и подыхают лошади. Она всюду здесь на поляне—пышная, сочная, зеленая...

Поляну заключает в цепкое кольцо тогай. Один вид его красноречиво говорит, что дальше мои усилия будут бесполезны. Реки вблизи не чувствуется. И кто знает, как далеко растянулся этот остров? С минуту изучаю местность, затем быстро иду назад. Солнца уже не видно из-за тогая, но оно еще сравнительно высоко. Соображаю, что если быстро выбраться с острова, то мы успеем засветло подыскать место для ночовки.

Вот тропинка. Иду по ней, но... несколько шагов, и она внезапно теряется. Я не удивлен, потому что много видел таких загадочных тогайных тропок, неизвестно кем протоптанных — человеком или зверем. Всматриваюсь в место таинственного исчезновения тропки и вдруг нахожу нечто другое: на рыхлой земле ясный рельефный отпечаток следа. О, я уже знаю этот след! Пока я смотрю, примятая на следу травинка медленно поднимается и выпрямляется. Я тоже поднимаюсь и оглядываюсь. Неужели вот здесь только-что прошел страшный джолбарс?

С минуту наслаждаюсь своими чувствами. Я знаю из многочисленных рассказов охотников, что здешний тигр не нападает на человека, да и не верится, что из этих вот кустов может выскочить т и г р.

Вдали чуть слышно прозвучал короткий глухой хлопок выстрела. Смотрю на освещенные вершины деревьев и определяю звук в том месте, где должен находиться Щеглов. Неужели прилетели утки?.. В голове, как искра, проносится обжигающая мысль: «Там лошади! Ведь это приманка для тигра!..»

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА имени В. И. ЛЕНИНА СССР

Я бегу, что есть силы. Прыгаю через коряги, торпедой пробиваюсь сквозь кустарники. Хронически падающая шляпа скомкана в кармане. Руки и лицо от колючек быстро покрываются кровавыми полосками.

Быстрыми широкими прыжками перебегаю маленькую полянку. Впереди внезапный треск, движение... Из кобуры инстинктивно выхватываю наган, но не стреляю. Уже вижу, как спугнутый мною тяжелый фазан, громко хлопая крыльями, несется над тогаем...

Вот прорывается свинцовая полоска воды. Задыхаясь, выбегаю на знакомую поляну. На траве, у берега, лежит фигура человека. Лошадей нет. Ассоциируя в сознании тигровый след и слышанный выстрел, я готов предположить что угодно... Человек подымает голову и адски спокойно спрашивает:

— Ну как, нашел что-нибудь подходящее?

По тону его голоса слышно, что все в порядке, но я еще не вижу лошадей. Нет, я вижу и их. Они стоят тут же, за кустом, связанные по-киргизски—седло за седло — и обмахивают друг друга хвостом. Они совершенно спокойны и чертовски голодны. Я прячу наглухо в кобуру револьвер и стараюсь сделать это возможно незаметнее. Щеглов встает и поднимает лежавшее рядом ружье.

— Я хотел подстрелить пеликанов, — говорит он, хлопая затвором, — но дробь не долетела. Они плыли у этого берега и прямехонько ко мне. Если б не погорячился...

Он слишком долго возится с затвором, и я успеваю разглядеть, как он запихивает в магазинку стоявший первым разрывной «жакан», ставя на его место патрон дроби...

Десять минут спустя мы вторично пересекли песчаную отмель, оставляя за собой неприветливый остров.

IX

В саксауловом «лесу».—Дикорастущий кендырь на Или.—Престарелый «парламентер».—Этому не до «кайда-барасын».—Что такое «чакрым».—Мы видим средневековый замок.—Эксперимент казака-комсомольца. — Блуждание в лабиринте озер.—Мы приезжаем в Истай-тюбек.

Долго искали пристанища. У реки — старый камыш, мириады комаров; в степи — полынь, редкая трава, колючки. Из двух зол выбрали меньшее—заночевали в колючках. Лошадей попутали и предоставили самим себе... Они за долгий путь так привыкли к нам, что не уходили далеко от лагеря. Здесь можно было нам обоим спать спокойно, не опасаясь за себя и лошадей. Это—по единодушному утверждению всех, знающих край. Нам рассказывали, что казаки ловили и возвращали владельцам даже отбившихся и потерявшихся в степи лошадей. «Вахта» была отменена.

Саксаул! Густые заросли, тянущиеся на огромное пространство. Вступили в них ранним утром и едем, едем по едва приметной узенькой тропке,—делая в среднем около восьми километров в час, —в продолжении десяти часов!

Странный, необычный лес! Уродливые невысокие деревца с узловатыми твердыми ветвями. Полузанесенные песком, лежат грудами переплетенные, почерневшие от времени стволы бурелома. Острый походный тесак со звоном отскакивает от такого ствола, не оставляя на нем метки...

Целое богатство! А пресытившиеся алмаатинские краеведы лишь вскользь упоминали о роще Сары-туранга. Говоря о топливных ресурсах Джетысу, они описывали саксауловые леса в сотни квадратных километров, тянущиеся по баканасам между Или и Караталом!..

Здесь есть интересное растение. На первый взгляд кажется, будто по земле кем-то в беспорядке разбросаны большие изжелта-коричневые листья лопуха. Только когда попытаешься поднять такой лист, узнаешь, что он имеет крепкий круглый стебель, уходящий глубоко в землю.

Гулко стучат лошадиные копыта. Заслышав нас, пугливо прячутся в бесчисленные норы песчанки—«песчаные суслики». Они зарекомендовали себя, как отъявленные вредители саксаула — подгрызают корни. Меж кустов шмыгают ящерицы и небольшие желтоватые вараны. Дорогу часто перебегают зайцы. Из зарослей удивленно и без боязни выглядывают фазаны, смешно вытягивая хохлатую куриную голову. Они, не мигая, попеременно смотрят на нас то одним, то другим глазом-бусинкой, поворачивая голову.

Раз я был свидетелем неповторимой сценки. У самой дороги на толстой сак-

саулине сидела небольшая круглоглазая сова. Она так потешно вопрошающе уставилась на нас, что замечтавшийся Щеглов инстинктивно задержал лошадь и привычно, как он всегда отвечал на любопытство встречных казаков, выпалил:

— Москва дан кельген! (Из Москвы едем).

В этот день мы не повстречали ни одного человека. Только в густые сумерки, свернув к реке в поисках ночлега, видали вдалеке, на высоком холме праздничные костры и слышали звуки домр, веселое пение, лай собак... К волнующему

Спугнутый мною фазан, громко хлопая крыльями, несется над тогаем.

кизячному запаху примешивался аромат жареного мяса. В этот день казаки справляли майрам.

Утром сделали неожиданное открытие: мы ночевали в непролазных диких зарослях кендыря! Это — то знаменитое растение из технических культур, которому прочат славу замены хлопка. Чудесные шелковистые волокна кендыря знают даже местные казаки, но они используют лишь грубые верхние слои стебля, выбрасывая остальное — что труднее обработать. Русские рыбаки часто приезжают на Или осенью, когда наступают заморозки, для сбора дикорастущего кендыря. Он идет на сети. Обрабатывают простым способом: отогревают в избе, разрезают стебли на две продольных половинки, снимают кожуру и треплют. Нас уверяли, что кендырные веревки, намокая, делаются вдвое крепче и эластичнее...

Путь вблизи реки представлял собой невероятное мучение. Виновники — комары. Эти зловредные насекомые, зачуяв нас, полчищами вылетали из тогая и с тонким яростным писком устремлялись в атаку. Мы обвешали лошадей с головы до хвоста целыми вениками из тала, а сами доходили до остервенения, отмахиваясь ветками.

В Алма-ата нам настоятельно рекомендовали взять с собой очищенного дегтя, чтобы мазаться от комаров: они не выносят этого запаха. И мы мазались, мазали даже морды лошадям. Результаты были плачевны: наши лица и лошадиные морды облезли и стали походить на страшные красные маски. Жгло невероятно!.. «Спасительная» бутылка с дегтем нашла свое место в самой грязной придорожной луже...

Под лай свирепых овчарок под'ехали к аулу. Поднялись пологи юрт. Словно из развязанного мешка, высыпали полуголые коричневые ребятишки. В белых капюшонах навстречу выбежали женщины. Окружили нас плотным крикливым кольцом и чего-то ждали.

Мы помахали рукой, чтобы стихли, и спросили айрана. Повторили раз, другой — ни одного движения. Окружающие пристально, непонимающе смотрели нам в рот. Они упорно отказывались понимать наш «казакский» язык.

— Ну, и чего вы так смотрите? — едва не плача, исходил законным возмущением Щеглов. — Ведь говорим же по-вашему, казакча [1]), — понимаете? Айран бар? Есть? Айран, айран, айран!..

[1]) Казакча — по казакски.

В саксауловом «лесу».

Снова поднялись крики. Несколько женщин опрометью бросились в одну из юрт. Наконец-то поняли... Через минуту они выбежали обратно... волоча за собой полураздетого древнего старика, едва стоящего на ногах.

— Парламентер! — догадался я.

Возликовавший уже было Щеглов от нахлынувшего негодования вцепился в гриву своей лошади.

Старика вытолкнули вперед. Он покачнулся, цепко ухватился за мое стремя и, навалившись на шею лошади, беззубо зашамкал, глядя бесцветными пустыми глазами.

— Товар бар? Иголка... Материй бар?..

Затем он закашлялся, и все с нетерпением ждали, пока он кончит. Откашлявшись, старик решил, что его миссия окончена, и приготовился садиться на землю. С угрожающими криками его подхватили и, украдчиво дав несколько тумаков и щипков, заставили говорить дальше.

— Иголка... бар... — бессознательно прошамкал тот, цепляясь за мою ногу.

У нас не было ни материи, ни иголки (Щеглов потерял последнюю).

— Нет! Джок! Честное слово, нет!— уверяли мы.

— Папаша, дорогой, — убедительно просит Щеглов. — Айрану бы нам... А иголок нет ни одной, чорт их дери!.. Джок! Фью-у-у...

При слове «айран» старик встрепенулся, ожил и что-то пробормотал. Женщины мигом притащили из юрт несколько огромных деревянных плошек с густой сметанистой простоквашей. Мы припали к плошкам и не оторвались до тех пор, пока не увидали землю через голову позади себя. В ту же секунду нам в руки сунули еще по полной.

Мы простили им и «казакский» язык, и иголки...

Уступив «парламентеру» плошки, которые он тут же, усевшись на земле, принялся старательно вылизывать, мы спешно подарили женщинам несколько полтинников и подстегнули лошадей.

Сокращая путь, пробирались по пескам, среди редкого саксаульника, вдали от реки.

На западе на весь горизонт разрасталось неясное серое облако. Солнце потускнело, расплылось. Предчувствуя недоброе, мы одели полушубки и туго затянули ремни куржумов.

Ветер налетел порывом, резко. От неожиданности на мгновение приостановились лошади. Понеслись облака тонкой песчаной пыли. Частыми дымками закурились края барханов. С шуршанием, пугая лошадей, подпрыгивая, покатились легкие шары «перекати-поля».

Множество булавок впивается в больную кожу лица. У-у-у... Пошел песок!

Надвигаю шляпу на лицо и ставлю воротник. Зажмурившись, припадаю к шее лошади. Чувствую ее шаги — неровные, но уверенные, упорные. Когда ветер с силой ударяет сбоку, она отклоняется, задерживается, потом опять выравнивается. Взглянул на нее: глаза плотно прищурены, морда— низко у передних ног.

«Эх, Милка, — с любовью думаю про себя. — Выноси, умница...».

Голос—где-то далеко, под землей:

— Ближе... компас... смотри...

«У-и-и...» — ревет ветер.

На плечи, на голову тяжело обрушиваются горы песку. Першит в горле.

Падаю... На один миг промелькнули в глазах серая крутящаяся мгла, извивающиеся в агонии корявые ветви саксаула и, словно футбольные мячи, летящие в вихревом потоке «перекати-поле»...

Нет! Лошадь подо мной. Опять зажмурившись, покачиваюсь в седле. Сообра-

жаю: осыпался бархан. Только бы не упала Милка!

Затихает. Открываю глаза. Мы — в глубокой яме, меж барханами. По краям ямы — саксаул. Слезаю с лошади. Глубоко проваливаются ноги: сюда набились «перекати-поле». Оставляю Милку и карабкаюсь наверх. Ветер сталкивает, бросает назад. Цепляюсь за обнаженные корни саксаула. Ползу выше, на вершину бархана.

— Эй! Валерьян! Сюда!..

С полным ртом песку, потеряв опору, качусь по склону. Кобура револьвера цепляется за какой-то сук. Затем, вместе с кустом саксаула, мягко скатываюсь к ногам своей лошади. Через две минуты вместе с обвалом песку лавиной сыпется сверху Щеглов. Его Старуха с радостным ржанием бросается к Милке, и они затихают, уткнув морду друг другу под брюхо.

— Вот тебе и аман! — уткнув голову в колени, серьезно говорит Щеглов. — Скоро кончаться будем.

Сидели долго. Такие самумы длятся по-разному. Иногда несколько часов, а иногда — и день, и два. Не заметили, когда стихло. Удивленно подняли головы.

Что это? Мы находились уже не в глубокой яме, а почти на ровном месте, защищенные лишь небольшим пригорком. От бархана, на который я карабкался, осталось небольшое возвышение с жалкими, торчащими из песка, скрюченными ветвями саксаула...

Кара-туранга — большая туранговая роща [1]) — «Черная туранга». Когда мы впервые увидали это изумительное дерево, то не поверили своим глазам: на одном суку две ветви, и обе с различными листьями. На одной—узкие, ланцетовидные, как у ивы, на другой — круглые, как у осины.

Едем неподалеку от реки. Здесь, у опушки рощи, раскинулись казакские зимовки. Устройство их несложное: приземистая хибарка-мазанка, загон для скота и непременная юрта, крытая не кошмами, а длинным камышом с грубым основанием из туранговых жердей, и это все.

По описаниям узнали зимовку богача-казака Ногая. Хижина сделана аккуратней. На дверях прибита гвоздями шатающаяся медная ручка; внутри — деревянный пол. Окна зияют пустотой: вероятно хозяева, уйдя на кочевье, вынули и спрятали стекла. У дверей нечто вроде под'езда—крыльцо со ступенями-чурбаками и кол с суком, чтобы привязывать лошадей. Но рядом такая же, как у всех, камышовая юрта, с очагом посреди и закопченными стенами — вероятно, служит «кухней».

В зеленеющей долине, у самой реки раскинулся большой аул. От Или вился глубокий, хорошо расчищенный арык. Он тянулся на несколько километров, делая узкие ответвления на небольшие запа-

[1]) Туранга разнолистный тополь.

Казакский аул на берегу Илийской протоки.

ханные участки земли. Тут впервые в Илийской долине мы увидели земледелие.

Несмотря на майрам (праздник длится три дня), молодой, черный, как уголь, от загара казак работал на пашне. Выбиваясь из сил, он ворочал и направлял в борозду массивный тис-агач. Это была огромная коряга с выдающимся вперед толстым заостренным суком. Два облезлых верблюда, жалобно покрикивая, медленно тянули все сооружение. Сухая земля пылью вставала из-под ног верблюдов и, словно нехотя, разворачивалась под напором тис-агача.

Мы под'ехали, поздоровались.

Пискнув, как испортившийся механизм, остановились верблюды. Казак взял в обе руки подол рубахи, вытер пот со лба и, устало поглядев на нас, пробормотал:

— Аман!

Потом, быстро обернувшись, снова ухватился за тис-агач и завопил на верблюдов, размахивая короткой ременной камчой:

— Чух! Чух!..

— Этому не до «кайда-барасын»,— справедливо рассудил Щеглов, трогая лошадь. — Поедем!

Боясь задержаться, проехали мимо, не заезжая в аул. У одной из юрт заметили новый металлический колесный плуг; около него возились казаки, запрягая пару сытых рыжих быков.

Встретившийся казак на яловой корове об'яснил, что до Истай-тюбек осталось пятнадцать «чакрым». Значит, вероятно, осталось еще много: может быть двадцать, а то и все тридцать километров. «Чакрым» — настолько растяжимое понятие, что ничуть не помогает определять расстояние. Это — пространство, на котором можно услышать голос человека. Голоса бывают, конечно, разные. Иной горластый здоровяк взберется на бархан и заорет так, что его можно услыхать на два-три километра. Другой же не дотянет и километра.

Понеслись облака песчаной пыли... Начался самум.

Сделали маленький привал, передохнули, попоили лошадей. Погода не прояснялась. Густые тучи тянулись с севера — с Балхаша. Накрапывал дождь.

Что это? Мы смотрим с высокого холма и не можем поверить: вдалеке, на фоне темнеющего неба, виднеется высокая конусообразная башня со шпилем; ниже — зубчатые стены, бойницы... Средневековый замок! Откуда он мог взяться здесь, в прибалхашской глуши?

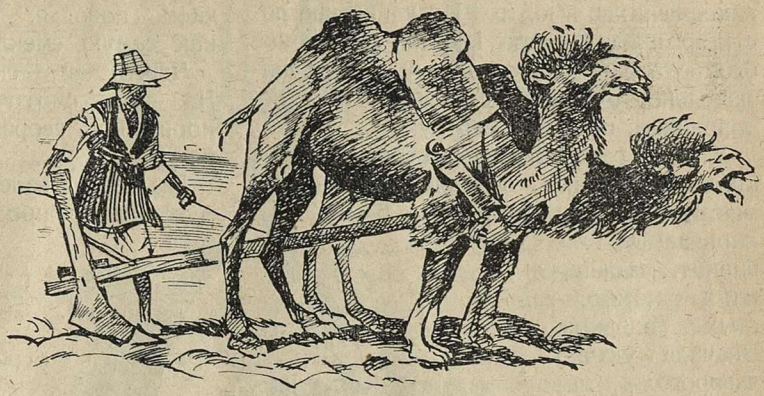
Щеглов дергает себя за нос и рекомендует мне проделать то же. Потом обрушивается градом вопросов и упреков:

— Это что же такое? А? Тебе, небось, все рассказали, а ты мне, товарищу, молчок?.. Хорошо!

Едем дальше молча. Снизу сквозь заросли замка не видно. Может быть это

нам померещилось? Едем долго. Уверенность, что наш рассудок в порядке, начинает упорно испаряться.

Так вот оно что! Теперь понятно! Виноват я: забыл, что мне рассказывали краеведы о... могильниках вблизи Истай-тюбека. Но это и Щеглов знал.

Два верблюда, жалобно покрикивая, тянули неуклюжий тис-агач.

Разочарованно осмотрели искусно отделанные глинобитные «замки» с покосившимися полумесяцами и сели на лошадей.

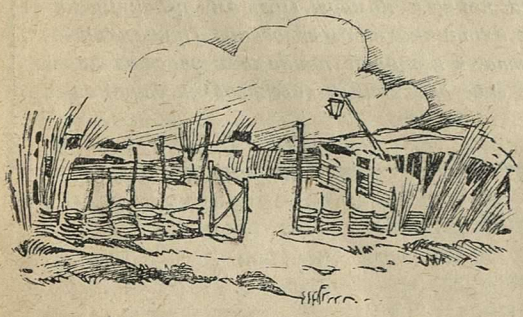
... Ночь. От многочисленных озерцов веет сыростью. Они встречаются на каждом шагу—заросшие, вязкие, с черным колодцем воды посреди. Песчаные холмы ощетинились редкими зарослями.

Дорожка вьется меж озерцами и уходит все левее и левее. А нам нужно вправо: там Или и где-то там Истай-тюбек. Куда мы едем?

Огонек вспыхнул и погас. Еще. Высоко над горизонтом. На небе это, или на высоком холме?..

Мы сидим у пылающего очага и отогреваем руки. Входят казаки — соседи хозяина. Они распахивают рваный полог входа, и черное ненастье хлещет в юрту. Рассеянный свет очага робко, неуверенно выглядывает наружу, в темь. Этот свет мы и видели с дороги.

Подкладывая кизяк и привычно теребя острую бородку, хозяин рассказывает, что мы проехали Истай-тюбек, сделав крюк почти в 10 «чакрым». Где-то впотьмах миновали тропинку, ведущую к Или. Теперь нам нужно ночевать, а завтра утром ехать обратно—искать тропинку.

Фактория союза охотников в Истай-тюбеке.

От тепла, излучаемого очагом, клонит ко сну. Нас засыпают вопросами: где находится такой народ—«кытай»; как по имени звали Ленина; сколько Калинину лет, где кончается Земля...

Парнишка - комсомолец, незаметно сидевший в уголке за сундуками, вылез на свет и вступил в оживленный разговор. Он знал и Англию и Чемберлена, и Америку, и даже читал, что такое пролетарий и социализм. Потом он задумал интересный эксперимент: написал латинским алфавитом[1]) имя одного из присутствовавших: «Курпебай». Листок был передан нам через руки всех присутствовавших, внимательно осмотревших его. Мы взяли и прочли:

— «Курпебай».

С минуту все молчали, потом закричали разом. Мирно дремавшие у нас за спиной телята вскочили на ноги и забились на привязи. Собака, украдкой забравшаяся в юрту и сладко спавшая, свернувшись у входа, поджала хвост и пулей вылетела вон. Вначале мы не поняли ни слова, потом разобрались: нам с комсомольцем не поверили, обвинив в совместном шарлатанстве. Они не имели представления о самой технике письма!

Для доказательства честного ведения дела, мы продемонстрировали этот номер раз двадцать, перебрав имена почти всех,

[1]) Одним из ценнейших мероприятий советской власти на Востоке является введение латинского алфавита, вместо затейливого и путанного арабского. Это облегчит возможность обучения грамоте широчайших трудовых масс народов советского Востока и поможет внедрению новой культуры.

находившихся в юрте... Их удивление достигло апогея, когда Щеглов на клочке блокнота нарисовал козла. А хозяин внимательно, с одному ему известным подозрением, осмотрел его руки.

Утром, рассчитывая быстро покрыть расстояние, поехали напрямик по компасу. Забрались в нескончаемые лабиринты маленьких камышистых озерков. Вначале удачно лавировали между ними, распугивая крикливые стаи гусей и уток, потом зашли в тупик. Зашли неожиданно и верно. Выход был лишь один—назад. Но кто упомнит все бесчисленные повороты и зигзаги, сделанные нами? У нас тысяча шансов попасть в другой, третий, четвертый тупик, нежели выйти обратно из лабиринта!

Могильный памятник-«кумбес» богатого казака; рядом—обнесенная плетнем могила бедняка.

Когда мы обстоятельно поразмыслили над этим — на лбу выступили капельки пота. Обидно было: здесь, уже у самой цели, попали в ловушку.

Но — не вспомнят ли лошади обратного пути? Идея! Поворачиваем и отпускаем поводья. Щегловскую Старуху, как самую смекалистую,—вперед. Айда!

Через час — снова у знакомого аула. На нас смотрят недоумевающе. Покорившись, сворачиваем на круговую дорогу.

Два воза с валежником. На переднем— мужчина средних лет в выцветшем картузе. На втором возу, запряженном верблюдом, на самом верху, восседал загорелый мальчуган в панаме. Он, обернувшись к нам, долго смотрит с изумлением и наконец мы слышим впервые за долгие дни пути:

— Здравствуйте!

В маленькой хижине охотника Алтухова на «Белом холме» мы прожили несколько незабываемых дней. Побывали на кабаньей охоте, ловили рыбу в Или, познакомились с окрестными казаками-охотниками. В лодке бороздили воды илийских проток, тревожа покой пеликанов и белоснежных цапель.

И как-то жалко было вытаскивать седла, собираясь в далекий, полный неожиданностей и приключений, обратный путь...

ОТ РЕДАКЦИИ. *Ввиду заканчивающегося подписного года является необходимость закончить очерки Сергея Голубя в настоящем номере. Поэтому редакция помещает материал в сокращенном виде. Быт охотников-промысловиков Прибалхашья, эпизоды из охотничьей жизни, кабанья охота, в которой принимали участие наши сотрудники, и другой материал будет дан в виде сюжетных рассказов на страницах наших журналов в будущем году.*